

КСЕНИЯ СЕВЕРНАЯ

Тот, кто придёт за тобой

Ксения Северная

Тот, кто придёт за тобой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43113907

ISBN 9785005006769

Аннотация

Ты жил сегодняшним днём и ничего не хотел менять. Но в канун Нового года в твою дверь постучались. И теперь ты едешь на коне по лесным дорогам, чтобы сразиться со Злом чужого мира. Кто этот парень, которого дали тебе в помощники? Можно ли назвать его другом? Кто ты сам – простой журналист либо легендарный герой? Какой выбор тебе придётся сделать? И что необходимо вспомнить, чтобы победить?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	44
Глава 4	58
Глава 5	79
Глава 6	96
Глава 7	110
Глава 8	121
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Тот, кто придёт за тобой

Ксения Северная

*Посвящается младшему брату,
для которого сказки —
не пустой звук...*

© Ксения Северная, 2019

ISBN 978-5-0050-0676-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Который день дул ветер с севера, пригибая к земле кусты и травы. Светлыми стягами полоскалось бельё, что развешивала на верёвке Мать. И сети, которые Отец растягивал на распорках, всё норовили вырваться из рук и улететь вслед за вихрем.

– Не к добру это, – сказал Отец за ужином. – Не припомню я, чтоб так долго не менялся ветер.

Мать взглянула на него с тревогой, перевела глаза на притихших детей.

– Быть лиху, – молвил Дед, седой и немощный. И устремил незрячий взгляд сквозь стены.

А ночью примчался на взмыленном коне Ратник. Светлы были его доспехи, начищен щит, а взор ясен и твёрд. Он стукнул в ставни, всех разбудив от мала до велика. Отец вышел ему навстречу.

– Кто поедет со мной? – спросил Ратник, склонившись с седла. – Мгла идёт на нас, неборимая сила! Лишь Чужак сможет её победить, но нет его в наших рядах. И послан я искать подмоги в вашем Озёрном Краю.

– Я поеду с тобой, – сказал Отец. Он снял со стены меч, поцеловал жену и детей, поклонился низко Деду и вскочил на быстрого коня. И умчались всадники в ночь, и долго не было от них вестей.

А северный ветер всё дул, и становился он ещё сильнее. И уже гнулись под ним молодые деревца, и птицы летали близко к земле. И тревожилась Мать, высматривая мужа у ворот.

И снова ночью стукнули в ставни. То был второй Ратник в латах из чёрной стали. Печально было его лицо, а на щите запеклись пятна крови.

– Кто поедет со мной? – спросил Ратник негромким голосом. – Всё наступает Мгла, и не в силах мы одолеть её. И знать, не ведает Чужак о нашей беде. Не найдётся ли здесь подмоги?

– Я поеду с тобой, – сказал Старший Сын. Мать вздохнула, и налились её глаза слезами. Старший Сын снял со стены боевой топор, поклонился Матери и Деду, погладил малышей по русым головкам и сел в седло. И умчались всадники в ночь, и долго не было от них вестей.

А северный ветер свирепел, и не давал он пощады уже сильным дубам, и не успевало созреть зерно в колосьях, так ломал их вихрь. И появилась седина в волосах Матери, а Дед иссох от горя, и больше стало у него морщин.

Как-то в ночь подскочил к дому на запялённом коне третий Ратник. Темны от крови были его доспехи, и помят шлем, и не было при нём щита.

– Кто поедет со мной? – хрипло спросил он и устало склонился к шее коня. – Иссякли наши силы, и не можем мы сдерживать Мглу. А придёт ли на помощь Чужак – про то

неведомо. Но многие пали в Великой Битве, и, зная, не выстоят те, кто ещё на ногах...

— Я поехал бы с тобой, — сказал Дед. — Да ушла моя молодость, и руки слабы, чтоб держать оружие, и глаза не видят света, и в седло не подняться мне. Нет больше в этом доме тех, кто может тебе помочь. Прости, храбрый воин.

— Нет, — сказал Младший Сын. — Я поеду с тобой, Ратник. Отец и брат мои ушли воевать с Мглой. Не к лицу мне сидеть под тёплой кровлей.

Взрыдала Мать и хотела было удержать сына. Но поняла, что не послушает он, и отступила. Снял Младший Сын со стены лук, взнуздал последнего коня, поклонился Матери и Деду, поцеловал сестрёнок и вскочил в седло. И умчались всадники в ночь, и ветер нёсся им навстречу, завывая.

И прошло немало дней и ночей, и волосы Матери стали совсем белыми от горя, а Дед уже не мог ходить и перебрался на лавку поближе к окну, чтобы первым принять вести. И дочки подрастали без отца и братьев.

И тянулся холод с севера, и в воздухе пахло страхом. И давно уже улетели птицы, и верный пёс прятался в конуру, а по ночам жалобно скрёбся в дверь, просясь домой. И всё чаще слышался далёкий вой волков. Или то завывал в тёмных лесах северный ветер?..

Глава 1

Нет, ветер этот разгулялся не к добру. Я прямо чувствовал – что-то должно произойти. Не может не произойти, если уже который день дует злой северный ветрище, нагоняя неясную тревогу. А сегодня он, будьте любезны, вообще как с цепи сорвался, так и норовил содрать рубероид со старенькой крыши. Станный был ветер, непонятный. Я всегда считал, что перед Новым годом всякая непогода обязана утихнуть, ведь завтра 31 декабря. А тут нате вам, ледяной шквальный уже неделю, а то и больше. Того и гляди, надует какой-нибудь дряни типа заносов на дорогах. Правда, снег не идёт, нынешней зимой снега на удивление мало, синоптики дружно предрекают глобальное потепление, что же мы, гады, с климатом делаем...

Ну да ладно. В конце концов, дом не сносит, бог даст, и крыша устоит. А в печке потрескивают поленья, и электрочайник уже вскипел. Мишура на ёлке в дальнем углу струится и вспыхивает серебряными искрами от света настольной лампы. Мышь ещё не вышла на промысел; у неё, у мыши, своё расписание, мне хорошо известное. У нас с нею вроде как уговор. Она начинает шуршать после одиннадцати вечера, не прогрызает пакеты с крупой, а я не завожу кота и не ставлю мышеловок. Каждому своё, и вечная дружба. Точнее, невмешательство в чужие дела.

Вот мышь – она понимает про невмешательство. А бывшая супруга не понимала, оттого и стала бывшей. Вообще-то она была неплохой, готовила довольно вкусно, посмеяться любила, даже хоккей со мной смотрела иногда. Но почему-то считала своим долгом постоянно переставлять книги в шкафу, к тому же, расставляла их по цвету корешков – это у неё называлось «очень прилично». Так же «прилично» она старалась разложить бумаги на моём столе – по стопочкам, листочек к листочку, исписанные в одну стопку, чистые в другую. Я потом с ума сходил, разбирая эти стопочки и выискивая нужный текст. А ещё у неё была дурная привычка – «дурная» не то слово! – эти тексты читать, а потом комментировать. Она отчего-то решила, что вправе учить меня писать, хотя сама признавалась, что за всю жизнь прочитала всего три книги – «Ангел для Джулии», «Джек-потрошитель» и сборник русских сказок. Причём последний одолела в седьмом классе, посмотрев однажды фильм «Морозко». Говорила, что кино ей понравилось больше, нежели книжка.

Наверное, я сам свалил дурака, когда на ней женился. Так что винить некого. Но она была миленькая и поначалу производила довольно хорошее впечатление. Правда, была лет на пять меня моложе и временами казалась почти девчонкой. Да... А потом её постоянные уборки на моём письменном столе начали жутко раздражать. И упрёки в небольшой зарплате тоже раздражали. И её любимый анекдот про ёжика и выхухоль доводил до скрежета зубовного – за полтора года

семейного счастья я выслушал его не менее сотни раз. И её переживания по поводу бесконечных сериалов сперва меня смешили, потом начали злить. И... В общем, однажды я утрамбовал свои бумаги в дорожную сумку, сунул под мышку раздолбанный ноутбук, бросил на стол ключи от квартиры и ушёл. И кочевал по приятелям два месяца, пока не получил телеграмму, что моя бабка по отцовской линии приказала долго жить и оставила мне дом на окраине маленького городишки с красивым названием Светлозёрск. Я не поленился, наведался к своей бывшей, забрал письменный стол, книжный шкаф, сами книги уложил в коробки и с этим багажом поехал принимать наследство.

До этого в Светлозёрске я был всего один раз, в далёком смутном детстве. И бабуку-то знал плохо, всё больше по рассказам отца. Бабуля была небольшой охотницей до поездок в гости и свиданий с внуком, я тоже особого желания встретиться с ней не испытывал. Ограничивался редкими открытками к празднику, ибо того требовали правила хорошего тона – поздравлять бабушку с 8 Марта или с днём рождения. Родная кровь, как-никак. В открытках согласно этикету спрашивал о здоровье да передавал приветы от родителей. Этим наше общение с бабушкой ограничивалось. И почему она оставила наследство такому непутёвому внуку, не знаю до сих пор.

Домик был невелик, обнесён палисадником, с крохотным земельным наделом и с уютной застеклённой верандой. Ве-

ранда и чердак оказались под завязку завалены хламом, пол скрипел, крыльцо подгнило, забор малость покосился, но всё это было сущей чепухой. А после того, как я навёл порядок, починил крылечко и забор, стало вообще превосходно. Дверь я покрасил зелёной краской, начистил до блеска подкову над притолокой, на подоконник поставил кактус, а над крыльцом повесил колокольчик. Чего ещё нужно мужчине неполных двадцати восьми лет, который недавно развёлся, детей не имеет, в своё время закончил журфак и на досуге пишет городские новеллы без особой, правда, надежды когда-либо их издать.

Работу я нашёл без труда. В местной районке не хватало людей, так что я со своим факультетом журналистики и семилетним газетным стажем за плечами пришёлся очень кстати. Отделов здесь давно уже не было, четверо корреспондентов, в том числе и я, писали обо всём подряд – от проблем местного санэпиднадзора до наличия коров в бывших колхозах и культурной жизни дальних деревень. Тираж газеты доходил до трёх с половиной тысяч, и это было очень даже ничего – в соседнем районе он прочно держался на полутора тысячах. Редактор наш без надобности гайки не закручивал, зарплату платили почти вовремя, а в командировки я всегда ездил с охотой. По вечерам же колол дрова, смотрел старенький телевизор, а чаще всего проводил время за письменным столом. Чудесная была жизнь.

И так продолжалось полгода. А потом наступил этот

странный вечер 30 декабря.

Хотя, если честно, весь день был каким-то странным, так что нечего удивляться, что он так закончился. С утра, когда я брился... Нет, об этом надо поведать чуть подробнее.

Бабкина обстановка была немногочисленной и древней, но в память о старушке я решил пока ничего не выбрасывать. Потом, коли обживусь, кое-что можно будет поменять. Убрал в сарай только лязгающую железную кровать, да сундук из угла перетащил поближе к двери – чтоб служил вместо тумбочки на кухне. В отношении старого продавленного дивана у меня поначалу тоже мелькали нехорошие планы. Но он оказался на диво удобным, и потому я просто прикрыл его пледом. Но два предмета очаровали меня сразу же, с первого взгляда, как только я впервые переступил порог дома. Одно – это было зеркало в простой некрашеной раме, потускневшее от времени старое зеркало. Оно висело в простенке между окнами и каким-то чудным образом расширяло всю комнату. А порой и искажало кое-что. Иногда мне казалось, что в нём отражаются вещи, которые там вообще отражаться не должны – например, стенка узкого шкафчика, висящего в кухне и прикрытого от зеркала печью. Или взять окна – они, если помните, находились слева и справа от зеркала и уж никак не могли быть в нём видны. Но время от времени отражались и они.

Вторая бабкина вещь – большие старинные часы с застеклённым маятником. Деревянный корпус когда-то покрасили

чёрной краской, но кое-где она давно потрескалась и облупилась. Увенчивала часы фигурка оленя с обломанными рогами. На сам циферблат время не действовало, а может, бабка была аккуратной, – только медь блестела, как новенькая, а часовые отметки до сих пор отливали зелёной эмалью. Под маятником виднелась такая же медная пластинка с витиеватыми выбитыми цифрами «1914» – год изготовления, надо полагать. Механизм за сто с лишним лет всё же изрядно поизносился, чистого звона от боя часов никто и не ждал. Сначала раздавался натужный скрежет, потом щелчок, и, наконец, неслись глухие бряки. Однако время этот мастодонт отбивал точно, не отставал, не забегал вперёд и заводился с помощью большого ключа примерно раз в двое суток.

Так вот, этот сумасшедший день начался с того, что помутнело зеркало. Надраивая щёки бритвой, я, по обыкновению, рассматривал своё отражение. Никаких изменений не наблюдалось – самое обычное лицо, худое, глаза серые, нижняя губа, пожалуй, тонковата, подбородок чуть вперёд. На правой щеке родинка, на левой, ближе к носу, штук пять конопушек – почти незаметных. Волосы светлые (между прочим, оброс, как бобик, давно пора наведаться в парикмахерскую!), на лбу уже намечается морщинка – в общем, ничего особенного, парень как парень, в толпе не выделяюсь. Да и нрав спокойный, на рожон не лезу, спорить не мастак, выяснять отношения не люблю, отчего на мне и норовят ездить все, кому не лень.

Один доморощенный психолог как-то заявил, что у меня взгляд типичного неудачника. Ну, тут и поспорить можно — смотря что считать удачей. Мне всегда казалось, что я имею именно то, чего хотел достигнуть. Вот ещё бы найти издателя для своих опусов — и мне сам чёрт не брат. Но это ладно, у каждого должна быть в жизни недосягаемая мечта. А в остальном я был доволен абсолютно всем и начинать с нуля не собирался. Не мальчик.

Я уже почти прикончил ночную щетину на подбородке, как вдруг зеркало пошло рябью — так бывает, когда от чьего-то движения колыхнётся поверхность воды. Мелкая зыбь прокатилась по моему зеркальному отражению сверху вниз и тут же пропала. Это было так нереально и странно — я даже не успел понять, что произошло. А до слуха донёсся еле слышный звон — как будто где-то далеко-далеко одиножды ударили в колокол.

Что за чёрт, подумал я. Звон в ушах, в глазах потемнение — точно, что-то с головой. Кстати, говорят, у некоторых это бывает к перемене погоды. Хотя какая там перемена, ветер-то всё тот же, северный. Я недоверчиво тронул пальцем поверхность зеркала — стекло как стекло. И никакого намёка на деформацию. А значит, просто чудится, не до конца проснулся. И только я так решил, как моё отражение помутнело и начало затягиваться зеленоватой дымкой — словно некто огромный сильнодохнул изнутри.

Я отскочил. А вы бы не отскочили?.. Первый раз в жизни

я видел что-то такое, чего не мог объяснить даже самому себе – а уж себе-то я умел объяснить что угодно. Но такого, как сейчас... И если это было чудо, то оно мне не нравилось.

Запредельно далёкий колокол простонал снова. Зеркальная дымка пошла перламутровыми разводами – как на мыльном пузыре. И в этих разводах появлялись и тут же исчезали видения, человеческие лица, силуэты коней, какие-то дьявольские хари... Всё это за доли мгновения – а может, за века – сменялось одно за другим, мелькало, билось, жило, и я не мог шевельнуться, наблюдая за пляской видений.

В третий раз ударил колокол. И муть сразу рассеялась, а в стекле вновь отразилась моя ошалелая физиономия. На всякий случай я отступил ещё, таращась на вдруг спятившее зеркало. А может, не оно, а я сошёл с ума?.. Какое-то время стоял, не двигаясь, потом взлохматил волосы, показал себе язык – отражение послушно повторяло каждый жест. Глюки мучают, гражданин журналист?..

Ты свихнулся, грустно сообщил я себе, а голову надо беречь, она у тебя единственная ценность. Между прочим, в последние дни пришлось много работать, подгоняли под сроки материалы, которые необходимо поставить до Нового года. Надо бы отдохнуть, в праздники к родителям наведаться, что ли? Куда угодно, только не вспоминать о том, что сейчас было.

Происшествие с зеркалом можно бы считать ерундой, если бы оно не кольнуло болезненно сердце и не прогнало

по спине волну невольного испуга. Меня никогда ещё так не предавали вещи – а тут налицо настоящее предательство. Могла выпасть из рук и разбиться чашка, мог сломаться телевизор, могли потеряться носки – но чтобы зеркало забредило?!..

Странности на этом не закончились. Выходя из дома, я заметил тень, метнувшуюся у дальнего перекрёстка. Чужие в этот окраинный квартал не забредали, вокруг частные дома, все свои, все знакомы. Так что кто обосновался на перекрёстке, оставалось непонятным. Но особо приглядываться было некогда, и без того уже опаздывал, до работы быстрым шагом четверть часа. Мало ли кто там топчется без дела – я успокоил себя тем, что это кто угодно, но не вор. И взламывать мой домишко он уж точно не рискнёт. Замок на двери хлипкий, но, как-никак, соседи рядом, а они рано начинают копошиться в своём дворе.

Но это был явно не вор. Потому что вместо того, чтобы весело кинуться за ломиком, он решил меня проводить. Шагая по ещё сумеречным утренним улочкам, я слышал, как снег поскрипывает под его ногами. Это почему-то раздражало. В другой раз я бы остановился, подождал сопровождающего и выяснил, в чём, собственно, дело, но сейчас душу сковывала какая-то непонятная тревога. И даже чувство юмора не помогло – мысль о том, что меня принимают за резидента гвинейской разведки, только добавила раздражения. Соглядатай не приближался, но и не отставал, не сворачи-

вал в проулки, словно задался целью довести меня до порога редакции. Может, он, как и я, просто спешит на работу, и нам по дороге?.. Раза два я всё же украдкой оглянулся. Он был довольно далеко, в чём-то длинном и тёмном, высокий и неясный в утренних сумерках. Не знаю почему, но его уверенная поступь вновь и вновь вызывала в памяти зеркальные видения, и по заливку пробегал озноб.

Человек отстал от меня на последнем повороте к редакции. Я даже не заметил, когда он исчез. Звук его шагов неожиданно прекратился, как не был. И почему-то сразу отпустила тревога, так что к обеду я уже почти забыл – заставил себя забыть – об утреннем происшествии.

На работе царила запарка. Ответственный секретарь вдруг вспомнил, что к моей статье должен идти фоторяд, а жёсткий диск неделю назад полетел, а с ним и все файлы, а фотограф два дня назад начал встречать Новый год и теперь его не доищешься, а снимки нужны позарез, и хорошо ещё, что можно переснять, так что, мол, ты сам этим и займёшься. На первой полосе обнаружилась незапланированная дыра, вынь да положь информацию. Редактор изуродовал мою статью об успехах автопредприятия так, что при виде её меня перекосило... В общем, часам к двум у меня кончились сигареты, и я выскочил на морозный воздух отдышаться и сбегать до ближайшего киоска.

Я столкнулся с этим типом на тротуаре и каким-то внутренним чутьём сразу понял – теперь от него просто так не уй-

дёшь, как ушёл утром. В одежде, похожей на старинный плащ, с непокрытой головой – и это на ледяном северном ветру! – он загородил мне дорогу, и под локтем его блеснуло что-то круглое и металлическое.

– Поторопись, – негромко сказал он. – Они уже близко.

– Что, простите?

– Верь нам. Будет слишком поздно, когда тебя найдут они. Торопись, кони застоялись.

Я смотрел на него, моргая, и спрашивал себя, кто из нас двоих спятил. Невероятно, но я не мог разглядеть его лица. Черты расплывались, казались зыбкими, как утром в зеркальной дымке. Голова незнакомца была наголо обрита, и кости черепа бугристо выпирали – только это я и сумел различить, зато видел совершенно чётко. Наверное, мельком подумалось мне, если бы сейчас шёл снег, то снежинки, облепляя этот череп, не таяли бы и оставались крохотными белыми сугробами среди его бугров. От незнакомца явственно веяло чем-то холодным, хотя куда ещё холоднее на зимнем ветру. И голос – голос доносился внятно, но глухо, будто сквозь оконное стекло.

– Темнеет, – сказал он.

– Светло пока, – ответил я учтиво. Стоило бы осведомиться, давно ли он посещал психиатра, и посоветовать отвалить. Однако на меня вновь накатила утренняя оторопь, и где-то на задворках сознания опять проснулась неуместная мысль о происках гвинейской разведки. А этот тип моё возражение

всерьёз, кажется, не принял. И, по-моему, усмехнулся. И общился:

– Свет – это дело такое, сейчас он есть, а потом нет.

Тут я окончательно опомнился. Ёшкин кот! Получалось какое-то недоразумение и разговор двух идиотов. Он явно посмотрелся всякой мистической чепухи по телику и воображает себя... Да мне без разницы, кем он себя возомнил! Но я-то хорош – выслушиваю его бредни да ещё и покорно топчусь на холодном ветру. С какой стати?

– Тебе чего надо? – неласково спросил я.

– Твоё согласие. Я за тобой.

– Да пошёл ты! – я обогнул его по дуге и отправился дальше. И услышал в спину:

– Ярослав!..

Этот чудик знал моё имя. Откуда? Или я с ним встречался раньше, когда собирал очередной материал? Отчего-то меня в тот миг совсем не удивляло ни происходящее, ни сам незнакомец, ни то, что лица его рассмотреть так и не удалось. А вот то, что он знал моё имя, насторожило.

– Ярослав, – донеслось сзади. – Торопись, мы ждём. Надо ехать.

«Мы ждём»?.. Так он не один, в нашем сонном городке окопалась целая шайка любителей «Властелина колец» – от этой мысли мне и впрямь захотелось поторопиться. Фанатов и ролевиков я всегда сторонился. Что за шутки? Хватит с меня и этого уроды с застеклённым голосом. Я ждал, что он

и сейчас пойдёт следом, но ошибся. Он исчез вместе с плащом и круглой металлической штукой под локтем, которую я задним умом определил как шлем. Исчез – ну и замечательно, чертовщина мне совсем ни к чему. Однако озноб вернулся и прочно угнездился где-то в районе лопаток.

«Ты сегодня много куришь», – заметил кто-то из коллег. Закуришь тут!.. Знай они, отчего я такой дёрганный, любопытно, что бы сказали? Вероятнее всего, посоветовали бы обратиться к врачу. А то и сразу «Скорую» бы вызвали – народ в редакции был добрый и отзывчивый, а во всякую фантастическую чушь у нас не верили. Но я-то твёрдо знал, что человек без лица не выдумка, а зеркало без отражения не бред записавшегося репортёра.

Остаток дня прошёл спокойно. Если не считать того, что на всём пути домой меня сопровождало тихое, но явственное цоканье копыт. Причём невидимый конь был явно не один – не менее трёх. Вот и погнали лошадей. И это было тем более странно, что копыта даже целого табуна могут цокать по камням, по асфальту, но уж никак не по снегу. Поначалу я оборачивался, потом плюнул и не торопясь дошёл до своего крыльца. Цокот стих на углу моего квартала.

Мне пришлось взять работу на дом. Статью о достижениях местного фаянсового предприятия я по понятным причинам днём в редакции закончить не успел. Но редактор настоял, чтобы статья завтра утром лежала у него на столе. Предприятие желало начать год с рекламы своих успехов в рай-

онной газете.

Моя избушка стояла нетронутой. Ну правильно – потенциальный взломщик предпочёл пойти за мной и, судя по всему, весь день караулил у редакции. Оставалось надеяться, что хоть вечер пройдёт спокойно. Бутылку шампанского для завтрашнего праздника я сунул в холодильник. Натаскал дров, выслушал последние новости по телевизору – в мире взрывы, наводнение, делёж власти, хорошенький будет Новый год! – заставил себя успокоиться и сел за ноутбук.

Статья не клеилась – это я понял через час бесплодных мучений. Приходилось выдавливать слова, чтобы получилось хоть что-нибудь связное. Сегодня произошло столько необъяснимых вещей, что производство фаянсовых изделий не шло с ними ни в какое сравнение. Промаявшись попусту, я понял, что надо отвлечься. Темнота за окнами пугала – а раньше я никогда не боялся темноты. К зеркалу старался вовсе не поворачиваться. И, сам не желая, ожидал чего-то – таинственного, небывалого, может быть, даже ужасного.

Но всё было спокойно, только северный ветер гудел за стенами дома. Чтобы стало веселее, я затопил печь, включил чайник. Сполоснул лицо холодной водой, постарался выбросить из головы все глупые мысли. Снова сел за стол и сосредоточился на проклятой статье.

«В ушедшем году объёмы производства впервые достигли уровня объёмов начала перестроечного периода. Несомненно, это говорит о возрождении славных традиций районной

промышленности, которая в прежние времена всегда была на высоте. Но что стало причиной подъёма?.. Ответ хорошо известен руководителю предприятия...»

Боже, какая чушь. Чем это сочинять, лучше зарыться в Интернет. Порыться на форумах в поисках идей да начать раскручивать сюжет. Придумывать новые сюжеты интереснее всего. Там ты хозяин, и не нужно плясать под дудку фаянсового директора, там ты заставляешь героев делать то, что хочется тебе, – ну, может быть, порой милостиво позволишь им поступить по собственному усмотрению. А в печке потрескивают поленья, и чайник уже вскипел. Мишура на ёлке в дальнем углу, там, где раньше стоял бабкин сундук, струится и вспыхивает серебряными искрами от света настольной лампы. Ага, вот и часы захрипели, чтобы сообщить время. Вообще-то, я засиделся. Бряк, бряк, бряк... Шесть, семь, восемь... Девять.

И погас свет.

Глава 2

Это было неожиданно. Темнота упала сразу со всех сторон, и вместе с нею сердце моё бухнулось куда-то гораздо ниже поджелудочной железы. Тем более что ноутбук, который уже давно работал исключительно от сети, вырубился тоже, похоронив надежду на удачное завершение статьи. Если бы ко всему исчезли ещё и звуки, я бы, наверное, тут же свихнулся. Но огонь по-прежнему бился в печной топке, и на улице завывал северный ветер. Хотя, возможно, в этот миг он взывал сильнее, перекрыв оглушительные удары моего сердца. И позвонки мгновенно продрало ознобом. Потом наваждение схлынуло.

Я отдышался, призывая на помощь разум. Будем надеяться, что свет погас по естественной причине – где-нибудь оборвало провода. Немудрено при таком-то ветре. А может быть, на подстанции вырубили электричество – и очень просто, ровно в девять, только никого не предупредили. Эта подстанция никогда не отличалась особой благонадёжностью.

Первой мыслью было позвонить туда и разъяснить проблему. Однако мобильного в кармане куртки не обнаружилось. Ну конечно – моё обычное ротовейство, что тут скажешь. Трубку на работе я частенько забывал, тем более что звонить по вечерам приходилось редко. Жаль, жаль – телефон сейчас ой как пригодился бы... Сунулся к окошку –

во всём ли квартале свет отключили? И тут же выяснилась вещь чрезвычайно неприятная: у соседей напротив квадраты окон светились привычно и ровно. Что за чёрт, неужто пробки полетели?..

Увы, пробки были в порядке. Пришлось преодолеть неуютное чувство опаски, выйти во двор и, ёжась под ветром, посветить фонариком за угол в поисках возможного обрыва проводов. Это была моя последняя надежда на благополучный исход дела. Если ветер оборвал провода, то всё проще некуда – придёт завтра мастер и починит. Но обрыва не было. Я нахмурился. Неприятность со светом оправдывала самые худшие подозрения.

Пока искал свечи, в памяти всё всплывали слова незнакомца: «Свет – это дело такое, сейчас он есть, а потом нет». Выходит, знал, прохвост. Чего доброго, сам же и подстроил шуточку с электричеством. А можно отключить один дом, оставив целую улицу со светом? Да легко – с распределительным-то щитком, для этого даже к проводам лезть не нужно. Тем более что лысый урод в плаще, карабкающийся на столб у дома, – это уже из фильма ужасов. Ужастиков я не признавал принципиально.

Ничего, теперь признаешь. И что за день такой проклятый!..

Свечи обнаружили в верхнем ящике ветхозаветного комода. Жёлтый огонёк затеплился на кончике фитиля, окреп и осветил комнату рваными бликами. Тьма немного рассея-

лась – и то дело. Подсвечников, конечно, не было. На перевёрнутых блюдах я прилепил сразу три свечи, чтоб стало светлее. Поставил всё это на письменный стол и понял, что статья осталась в умершем ноутбуке. Хорошо, что недавний текст ещё не выветрился из головы. Придётся продолжать по старинке, на бумаге от руки. Дописывать-то всё равно надо.

«Снижение темпов работы за предыдущие годы, к сожалению, дало себя знать. Но со многими проблемами предприятие уже справилось. И сейчас коммерческая служба прилагает все усилия, чтобы...»

Над головой скрипнуло. Ещё раз и ещё. Ветер шутит или и вправду кто-то осторожно передвигается по чердаку?

Вот тогда мне стало по-настоящему жутко. Я вдруг до конца осознал, что всё произошедшее за день – не сон, осознал, что я один-одинёшенек в этом старом доме, не имею ни света, ни телефона и, по-видимому, даже не рискну выйти на улицу. Потому что там может поджидать незнакомец с лысым бугристым черепом, а я не понимаю, что происходит.

Нет, на новогоднюю сказку это никак не походило.

А статья? К чёрту статью! Я прикурил от свечи и откинулся на спинку стула. Нужно успокоиться. И как-то это объяснить. Объяснить можно всё, даже чудеса. Ты взрослый человек, будем считать, что умный, и уж, безусловно, практичный. В совпадения, сказки и святочные рассказы не веришь.

Тем более что до Святков далеко, завтра ещё только Новый год, и у тебя, между прочим, в холодильнике шампанское и пара мороженных куриных окорочков. Хочешь – встречай праздник сегодня. Никто тебя не видит и не слышит, можешь сплясать или спеть песню про ёлочку. Можешь читать сам себе вслух собственные опусы – в лицах и с выражением. Можешь... можешь стихи декламировать или просто упиться шампанским – чтоб опьянеть, тебе не много надо. Впрочем, вместо шампанского сейчас бы хлопнуть водки, а окорочка жарить долго, лучше отварить сардельки с вермишелью, пока печь топится. Да ты, кстати, и не ужинал. Забавно, но есть не хочется...

Я затушил окурок и снова потянулся к сигаретной пачке. Будем считать, что меня не разыгрывают. Ибо что если это розыгрыш, то он дурно пахнет. Всё замечательно, света нет, поскольку отошёл какой-нибудь контакт, завтра приглашу мастера. Скрип на чердаке прекратился – правильно, это ветер и только ветер. Зеркало? А что зеркало?.. Ну вот, посмотрел ты на него, в нём смутно отражается ёлка и любимый диван – смутно потому, что свечи не лампа. Незнакомец в плаще? Ну и что? Обычный псих, в нашем городке хватает и психов, и дельцов, и замордованных жизнью пенсионеров. Колокольный звон и стук копыт?.. А курить надо меньше или вообще бросить. И сходить к врачу. И завести собаку.

Мысль о собаке малость приободрила. И вообще, стоит разложить всё по полочкам, как становится легче, понима-

ешь, что напридумывал больше, чем есть на самом деле. Надо лечь спать, а утром всё пойдёт как обычно. Вот жаль только, света нет, включил бы телевизор, там вот-вот начнётся какой-то фильм. Не важно, какой, главное, там будут говорить и смеяться. Да, но ещё статья... Статью нужно дописывать. Или, может, плюнуть? Скажу редактору, что прихворнул. Не зверь же, в конце концов, простит. Тем более что новогодняя вёрстка всё равно уже в типографии, а моя чушь о фаянсе появится в следующем номере, лишь после праздника.

И тут в дом постучали. Вот так – тук-тук-тук. И ещё раз – тук.

Впервые в жизни у меня буквальным образом перехватило дыхание. Я просто забыл, как дышат. Никогда не считался бесшабашно отчаянным, но и в слабых сроду не ходил. А сейчас... Сейчас мгновенно ощутил себя ребёнком, который боится страшилищ в закрытых шкафах. Все мысли о «не верю» испарились в секунду, а разум подло спрятался неизвестно куда. Это он, урод лысый. Или смерть моя пришла. А может, он – это она и есть. Пусть стучит, не открою. Имею право. Скажу, что дома нет. Гос-споди, как же плохо без света-то! Отдал бы всё и душу заложил бы за то, чтоб сейчас вспыхнула лампочка.

Стук между тем повторился. Снова слышались три негромких удара и спустя мгновение ещё один. Я успел засомневаться, плохо это или хорошо – что стучат осторож-

но, а не грохочут в двери кулаком. А потом какая-то неведомая сила подняла меня и неудержимо потянула к входу. Ноги деревянными костылями передвигались помимо воли. А уж когда в руке оказалась свеча – лучше не спрашивать.

Я опомнился лишь у самой двери и ужаснулся тому состоянию, в котором только что пребывал. Голова вдруг стала очень ясной, необъяснимый страх быстро уступил место рассудку. Ещё оставалось время, чтобы выбрать – открывать дверь или нет. Я мог отказаться от своего решения, и, наверное, многое тогда пошло бы по-другому. Но я сказал себе «да» и мысленно поклялся, что завтра же, если ничего не случится, схожу к врачу. Надо обследоваться на предмет неврастении. Срочно.

– Кто?

– Ярослав, откройте, пожалуйста, – ответил мужской голос. – Нам нужно поговорить.

Голос этот мне был определённо незнаком и уж никак не походил на голос того, дневного. Однако странное чувство – мне показалось, что где-то и когда-то я его уже слышал. Это был ровный и немного усталый голос из тех, что порой мы слышим во сне.

– Откройте, Ярослав, – повторил он. – Северный ветер мерзкая штука, а крыльцо у вас здорово продувается.

Возможно, из-за этих слов о крыльце я и перестал сомневаться. Очень уж по-домашнему прозвучала просьба, а держать пусть даже незнакомого человека на ледяном ветру –

это просто невежливо.

Я отодвинул засов. Язык ветра хищно ворвался в дверь, чуть не потушив свечу. Но чья-то ладонь прикрыла огонёк, и вихрь недовольно рассыпался по сеням морозными иголками.

– Разрешите, я войду, – произнёс человек. Я молча посторонился, пропуская его, запер дверь и знаком пригласил в комнату. И лишь там, при свете трёх свечей, сумел, наконец, разглядеть его.

Он был высок, немолод и, пожалуй, грузноват. Широкие плечи и руки прятались под плащом, напоминающим другой плащ, виденный мною утром. Лицо скрывал капюшон, и видна была только очень короткая седая борода, больше похожая на сильно отросшую щетину.

Я молчал, ожидая разъяснений. У меня вдруг стало спокойно на душе и как-то всё равно. Я уже понял, что от сумасшествия мне никуда не деться. Но первые слова гостя оказались неожиданными:

– Печь прогорает. Пожалуй, стоит угли поворошить.

Я послушно повертел в топке кочергой. Угли весело вспыхнули целым снопом искр, и в кухне словно бы стало немного светлее. А незнакомец склонился над свечой на столе и не тодохнул на неё, не то прошептал что-то, но огонёк вмиг вырос раза в два и чудным образом осветил все тёмные углы.

– Очень вас прошу, – сказал гость серьёзно, – не прику-

ривайте от свечи. Она может обидеться на такое непочтение. Да и огонь её – это не огонь какой-нибудь банальной зажигалки, он живой.

Я даже не удивился. Я начинал смиряться с событиями сегодняшнего дня. Знает этот пришелец из мрака, что я прикуривал от свечного огня, – и что с того? Сейчас скажет, что моя статья о фаянсе полная чушь, – и тут будет прав, я ведь и сам так думаю.

– Кстати, статья ваша вон там, на столе, вы уж простите за откровенность, не удалась, – обронил он по-прежнему серьёзно. – Честно вам скажу, у вас бывали замечательные штуки. А эту лучше не дописывайте – всё равно переделывать.

Ну, так и есть! Стоило подумать...

– Вы, собственно, кто? – спросил я сухо.

Он спохватился.

– О, простите. Я думал, вы меня узнали, – и скинул капюшон.

Ну и с чего он взял, что я должен его узнавать? Этого лица раньше никогда не видел – крупный нос, лоб в морщинах над густыми бровями, глубоко посаженные карие глаза и мягкие складки у рта. И коротко стриженные седые волосы. И большие залысины.

– Первый раз вижу, – сказал я. – Может, всё же назовётесь?

Он понимающе развёл руками.

– Конечно. Меня зовут Радим. Узнали теперь?

Ни о чём мне это имя не сказало – так я ему и сообщил. А заодно решил всё-таки проявить учтивость. Правда, не накрывать же стол для какого-то Радима, который неизвестно откуда и зачем пришёл, хотя, вроде бы, ничего дурного пока не замышляет.

– Чай будете?

– Не откажусь, но вообще-то рассиживаться некогда, – тут он снял плащ и оказался в длинной светлой рубахе навывпуск с замысловатой вышивкой по вороту, подпоясанной синим кушаком, и в тёмных, по-моему, замшевых штанах, заправленных в сапоги.

– Не по времени нарядились, – заметил я.

– Почему?

– Так уже лет триста не одеваются.

– Ещё как одеваются, – возразил он. – Неужели вы на самом деле ничего не поняли?

– Отлично понял, – я поставил перед ним чашку, придвинул сахарницу и тарелку с печеньем. – Всё отлично понял. Вы и ваш приятель решили меня допечь, только не знаю, по какой причине. Где, любопытно, я вам дорогу перешёл? На какую-то статью обиделись, что ли?.. Во всяком случае, он меня полдня преследовал, потом вырубил свет в доме. А теперь вы пришли и будете рассказывать сказочки про Лесотравье и про дракона, которого надо убить, чтоб спасти прекрасную принцессу.

– Что-что? – он растерянно заморгал. – Какая принцесса? О принцессах речи не было.

– А про дракона, значит, было?

– Послушайте, Ярослав... Тут какая-то путаница. Ни о каких драконах я не слышал. Что она вам наговорила? Или нет... А, это вы книжек начитались! В вашем Круге, я знаю, любят читать о всякой ерунде.

– Даже так? – я угрюмо покосился на него. – По-вашему, драконы – это ерунда?

– Да что вы пристали ко мне с этим драконом?! – он с раздражением оттолкнул свою чашку. – В Лесотравье нет драконов. Кажется, в Западном Краю водились когда-то огромные ящеры, но их перебили ещё во времена Утренней Поры.

– Ага. А ближе к вечеру остались одни тараканы. Хватит! Прекратите эту чушь. И скажите вашему лысому дружку, чтоб он вернул на место моё электричество и больше мне не досаждал. А коням своим пусть копыта тряпками замотает, а то цокот далеко слышен.

Тут мы замолкли и озадаченно уставились друг на друга. Не знаю, о чём думал он, а меня вдруг смутила тревожная мысль. Откуда я взял это странное слово – Лесотравье? Что оно собой представляет – местность, страну, город? Очень легко это самое Лесотравье выскочило у меня, словно я о нём знал когда-то или слышал. И почему Радим удивился не этому, а совсем другому – драконам и принцессам?

На этом месте мои размышления прервал сам Радим.

И в голосе его таилась непонятная мне тревога.

– О каком дружке вы толкуете? Вас что, кто-то уже навещал?.. Что молчите? Неужто они? Вот оно что, вот почему свечи! А я-то думал, вы зажгли их потому, что ждали...

Ага. Если мне кого и ждать, так это санитаров с успокоительным. Я смотрел на Радима и чувствовал, что хочу высказаться. Высказаться обстоятельно, со знанием дела и минимумом печатных выражений. Но его тревожный монолог вызывал ещё одно желание – разъяснить всё до конца и покончить с этим.

– Слушайте, чего вам надо? Если вы с ним не заодно, очень рад. Но честно – за сегодняшний день я устал до одури. Говорите, кто вы такой, кто такие они, и если чаю больше не хотите, давайте разойдёмся.

Я сказал это и тут же понял, что ляпнул не то. Он ведь сейчас может плюнуть и уйти, а я останусь во тьме и при своих страхах. И так и не узнаю, что за чертовщина завертелась вокруг меня. К тому же, этот странный гость внушал... нет, даже не доверие, а какое-то... спокойствие, что ли. В тот миг я не мог разобраться в себе. Мне хотелось, чтоб он оставил меня в покое, и я не желал, чтобы он уходил. И ещё я слышал, как свирепеет за окнами ветер.

Впрочем, по всей видимости, Радим пока не собирался покидать мой дом. Он молча глядел мне в лицо, и взгляд его был... Такие глаза порой смотрят на нас со старинных икон, деревянных, потемневших, покрытых трещинами времени

икон – с нездешним, отрешённым взглядом. И я внезапно ощутил себя надерзившим мальчишкой, которого мудрый наставник всё же любит и уже заранее простил. И чтобы скрыть свою неловкость, отошёл к плите и спросил почти виновато:

– Налить вам ещё чаю? И кстати, что это такое – Лесотравье?

Он вздохнул, и от его вздоха снова ярче колыхнулось пламя свечи.

– Значит, Изумрудная Дева не побывала здесь? Не пойму, что ей помешало... Но с этим потом. Так вот, Ярослав, дело серьёзное. Я Радим, Окраинный Странник. Вообще-то, у меня много имён, в разных Кругах меня зовут по-разному. В вашем Круге мне когда-то дали имя Николай... Вам непонятно? Круги – это миры, они проникают один в другой, соприкасаются...

– Это теория параллельных миров, что ли?

– Не важно. Очень немногие могут проходить из одного Круга в другой. Таких, как я, называют Окраинными Странниками. Сейчас я пришёл к вам из Лесотравья, мира, на который надвигается Мгла.

– Прямо Толкиен какой-то...

Мои замечания его не пробирали.

– Толкиен рассказывал о другом Круге. Я не буду сейчас говорить вам о Законах Кругов. Но люди живут по этим Законам, часто не зная о них, и надо сказать, редко их наруша-

ют. Вы, например, живёте по Законам Лесотравья.

– Я живу по своим законам.

– Ничего подобного! Ярослав, вы знаете Лесотравье, вы там не раз бывали, но время наложило печать на вашу память. Изумрудная Дева почему-то не сумела её снять. Плохо... Сам я не в силах этого сделать, я могу лишь рассказать вам о Лесотравье и о том, что от вас требуется.

Я пожал плечами. Так и знал – конечно, от меня что-то потребуется. Иначе зачем было затевать такой спектакль. Голова кругом идёт, честное слово! Однако в глубине души я начинал сомневаться, что это розыгрыш. Очень уж всё выглядело натурально. Всё, кроме того, что говорил Радим.

– Не верите? – он понимающе кивнул. – В вашем Круге люди вообще страшно недоверчивы. Не хотят видеть правды, зато сказки об инопланетянах принимают за чистую монету. Им проще поверить, что это пришельцы с другой планеты, чем в то, что это просто жители иных Кругов.

Этот камушек в мой огород, мрачно подумал я. Сидит передо мной доброжелательный человек в допотопной рубаше, плащ, которому место в кино или в музее, на крючок повесил, пьёт чай из моей чашки, читает мои мысли, рассказывает байки в стиле фэнтези... А я не верю! Не верю, что это правда, и предпочитаю думать, что весьма наивный розыгрыш. Интересно, насколько у него терпения хватит притворяться?

– Ладно, – сказал я. – Чихать на инопланетян. Говорите

о вашем Лесотравье.

– Оно скорее ваше... Так вот, в каждом из Кругов рано или поздно Добро и Зло сходятся в поединке. Везде это происходит по-разному. В одном Круге Зло выступает открыто, в другом оно опутывает всё своими сетями, подобно пауку. И горе тому Кругу, где Зло берёт верх.

– А что тогда?

– Он перестаёт существовать. Я видел много погибших Кругов.

Тут во мне совсем некстати проснулся журналист.

– Погодите. А в нашем, как вы говорите, Круге как дела обстоят?

– У вас ещё есть время усмирить Зло. Правда, его осталось не так много. Но речь о Лесотравье...

Журналист понял, что ему лучше не высовываться. В этой беседе первую скрипку играл Радим. Так что не будем спорить, его ничем не прошибёшь.

– Да-да, конечно... Так что там дальше?

– Один из Законов гласит – помочь в Великой Битве может житель иного Круга, живущий по Законам Круга этого. Но он должен сам решить, на чью сторону ему примкнуть. Потому я и послан за вами.

– Что-то больно мудрено. Правду сказать, я ничего не понял.

– А что тут непонятного?

Я приоткрыл дверцу печи, поворошил остывающие уго-

лья. Он ещё спрашивает! Само собой, рано или поздно разговор зайдёт в тупик – на своём веку мне не раз приходилось беседовать на подобные темы. Мир планеты Земля ясен, как дважды два, и когда его пытаются усложнять, дело обычно плохо заканчивается.

– Вся эта сказочка про Круги, Добро и Зло довольно занята, хотя здорово отдаёт пылью. Но мне непонятны два момента – что общего между мной и этим вашим Лесотравьем? И чего вы от меня хотите?

Теперь удивился Радим.

– Слушайте, я вам битый час толкую, что вы живёте по Законам Лесотравья. В конце концов, кто первый заговорил о нём – я или вы? Только драконов зачем-то приплели... То, что вы сами упомянули о нём, всё и доказывает. Лесотравье зовёт вас на помощь. Именно вы можете поставить точку в Великой Битве.

– За что такая честь?

Он устало прикрыл глаза.

– Снова повторяю – вы живёте по Законам Лесотравья. Как вам ещё объяснить?.. Вы избраны для этой миссии – так, кажется, выражаются ваши писатели? Фраза напыщенная, но, видимо, по-другому вы не поймёте.

Я почесал в затылке. Он ошибается, мне уже давно всё яснее некуда.

– Иными словами, я должен сражаться. И как, голыми руками?

– Отчего же? Мечом, как положено воину. Или скажете, вы меч в руках никогда не держали?

– Держал, а как же. Меня ведь хлебом не корми, дай только мечом помахать. Да вон он, на гвоздике за печью.

Радим попался на удочку и проследил взглядом за моей рукой. Потом понял и нахмурился.

– Шутить изволите? Нам, между прочим, не до шуток. И время на исходе.

Эти его слова напомнили мне об утренней встрече.

– Кстати, вы ещё не поведали о своём лысом приятеле. Коли вы Окраинный Странник, то он, надо полагать, этот... как его... поперечный?

– Нет, с вами рехнёшься, – пробурчал Радим себе под нос и отставил допитую чашку. – Как он выглядел? Где вы встретились?

Я нехотя начал говорить. Мне всё ещё казалось, что мой гость и утренний незнакомец действуют заодно. Сам не знаю, почему я до сих пор сопротивлялся очевидному. Но думать, что всё, рассказанное Радимом, – выдумка от начала до конца, что лысый проходимец на самом деле шизофреник или плохой актёр, что стук копыт и выходки зеркала утром стали только последствием переутомления, – думать так было выгоднее. Удобнее. Потому что если всё это – правда, то я впутался во что-то небывалое. А небывалого мне не хотелось. Я привык иметь почву под ногами, привык к утреннему чаю, компьютерам, к кактусу на подоконнике, к сарделькам

с вермишелью, к новостям по телевизору, к горячей печке, к небольшой, но стабильной зарплате – привык к такой жизни и к тому, что перемен в ближайшем будущем не предвидится. Жизнь спокойна и размеренна – так чего ж ещё надо? Я не собирался всё это разом променять на бурную неизвестность.

Услыхав о событиях дня, Радим поднял бровь.

– Так я и думал. Они решили нас опередить. Хорошо, что вы с ним не отправились.

– Да кто он такой?

– Гонец Мглы. Они тоже вспомнили о Законах Кругов... Ладно, одевайтесь. Нам пора.

Хорошая концовочка разговора.

– Эй, эй, погодите! Что значит пора? Я никуда идти не собираюсь.

Радим поднялся, одёрнул рубаху и снял с крючка плащ.

– Боюсь, в этом у вас нет выбора. Вы его сделали, когда открыли дверь.

– В этом?.. Значит, какой-то выбор всё же есть?

– Есть, – он снова глянул мне в глаза, и голос его был почему-то печален. – Вы можете выбрать между ним и мною.

– А давайте, я лучше останусь сам по себе.

– Вы не поняли, Ярослав, – он уже стоял у порога. – Вы, так или иначе, не останетесь в стороне. Я могу сейчас уйти. Но от него вы чаем и разговорами не отделаетесь. Понимаете? Всё это взаправду!

И такое сожаление и убеждённость звучали в его голосе, что я наконец-то в происходящее поверил полностью, до самого краешка. И растерянно отступил.

– Но... Но это шантаж какой-то!.. Нет, давайте разберёмся! Значит, он гонец Мглы, а вы посланник Добра – так, что ли? И если с вами я не пойду, то останусь с ними? Выходит, я буду поганцем и погублю целый мир? Перспектива не из приятных... А вы твёрдо уверены, что от меня всё зависит?

Радим подошёл и взял меня за руку. И была его ладонь горяча до того, что по венам моим расплескалось тепло, не жгучее, а приятное, как пунш после прогулки на морозе.

– Ярослав, я не хочу обманывать. Вам придётся туго, и даже я не знаю, что вас ожидает. Вы ищете покоя? Ждёте завтрашнего дня, потому что завтра Новый год? Вы откроете шампанское и выпьете его один, ведь к вам никто не придёт. Будете смотреть до утра телевизор, вспоминать, что было хорошего, грустить по тому, что не свершили. Возможно, даже сядете за эту машинку с экраном, но ничего не напишете – поймёте, что это никому не нужно... Вы думаете, жизнь – очень простая штука? Вы боитесь перемен, так? Кто научил вас их бояться, не эта ли самая жизнь? Вы всё прочно забыли, сами захотели забыть. Нужна ли вам эта недописанная статья, газетная суматоха и телевизор? Потрепало же вас время, как я вижу!.. Вы перестали верить, и огонёк в вашей душе почти погас, она холодна, как ваши руки, она по-

дёрнулась пеплом, стала серой и незаметной. Но огонёк-то ещё тлеет, и его раздуют ветры Лесотравья. Нужно только вспомнить, Ярослав!.. Идите сюда!

Он подвёл меня к зеркалу в комнате, развернул – смотри! Я подавленно уставился в сумеречные глубины. Там, внутри, был я сам, взъерошенный, угрюмый, недоверчивый. Ничего не было такого, на что стоило бы смотреть, и я уже хотел отвернуться, но Радим сжал пальцами моё плечо.

– Вглядитесь, Ярослав. Получше взглядитесь. Таким вы были когда-то?

И снова, как утром, помутнело зеркало. А когда муть сошла, я увидел, что отражение начало меняться. Без следа пропала морщинка на лбу, и сгладилась острота скул, и расправились плечи, исчезла сутулость, и смягчился рисунок губ. И взгляд изменился – этот взгляд я встречал полтора десятка лет назад, когда вот так же смотрелся в зеркало. Не в это, в другое, но не всё ли равно? За стеклом во плоти вставало время, когда дверь в детство захлопнулась напрочь, а впереди лежала целая жизнь. Я был тогда неизмеримо моложе, был упрямее, отважнее и злее. Я смеялся – открыто, я верил – открыто и знал, что придёт, обязательно придёт тот час, когда зазвенит тетива, и встанет на дыбы взнузданный конь, и звездопад осыплет дорогу. Где она теперь, та звёздочка, что так и не скатилась в мою ладонь?..

– Это я?

– Да, это вы, – я вздрогнул и вернулся из прошлого в по-

лутёмную комнату, к ёлочной мишуре, свечам и Радиму, который смотрел на меня, улыбаясь. – Кое-что вы уже вспомнили. Ну как, хотите вернуться туда?

– Я был тогда совсем зелёным...

– Вы были юным.

– Я был наивным...

– Вы были искренним. И честно скажу – были куда лучше, чем сейчас. Ну, довольно. Вы всё поняли. Идёте со мной или останетесь ждать гонца? Между прочим, он уже близко. Так что времени на размышления нет. Решайтесь, живо. С кем вы?

С кем я? Коли уж я не могу остаться в стороне... Неизвестно, какое оно, это Лесотравье и что за сюрпризы мне готовит жизнь, но стоит ли их пугаться, если всё лучшее осталось позади?

– Идём, – сказал я.

...Радим вышел за порог первым. Я на какое-то мгновение замешкался у дверей. Рука привычно потянулась к замку, ведь бог знает, когда я сюда вернусь, что же, оставлять всё настежь?.. Но там, внутри, в доме вдруг заговорили бабкины часы, отбивая время. И странно – не старческим хрипением, не глухим перебряком, нет, чистым, гулким звоном провожали меня они. Как будто и механизм ощутил себя юным, только что вышедшим из чутких ладоней мастера-часовщика.

Лёгкий серебристый звон походил на звуки того далёкого

колокола, что слышал я утром. Ничего себе, однако засиделись мы с гостем!.. И с двенадцатым ударом старинных часов я, так и не заперев дверь, шагнул с крыльца вслед за Окраинным Странником – очертя голову, бросив всё, прочь из этой привычной жизни в ту, в которую успел поверить.

Глава 3

Вы знаете, на улице не было зимы. Не было мороза, сугробов, протоптанных в снегу тропинок и наезженной автомобильными колёсами колеи. Не было конца декабря, откуда я вылез в этот мир. И самой улицы тоже не было – всё как корова языком слизнула. А находилось передо мной подобие перекрёстка, и тянулись вокруг поля, поросшие чахлыми кустами. Подальше, впереди справа, под угором начинался хвойный лес. И царило в здешнем мире, судя по всему, позднее лето. И был день, но день этот был серым, пасмурным, и где-то на горизонте, как пить дать, собирался дождик.

Всё выглядело по-другому, и лишь одно не изменилось – холодный северный ветер. Но здесь он казался куда сильнее, безжалостно трепал мои волосы и вздувал парусом плащ Радима. И гнал по земле сухие травинки, ветки, вспухал пыльными вихорьками у ног. Но пахло не сеном, не пылью, не летом, наконец. Стоял в воздухе тонкий, едва ощутимый запах гари. Правда, запахи дошли до меня позднее, когда остолбенение начало ослаблять хватку.

Всё-таки, согласитесь, не каждый день перешагиваешь из декабря в август, из Круга в Круг. Впечатляет.

– Это и есть Лесотравье? – подавленно осведомился я у Окраинного Странника.

– Оно. А вы чего ожидали? Увидеть рыцарские замки, ко-

ролевские цитадели? Готика, единороги, тролли, гномы – так в ваших книжках описывают иные Круги?

– Всё-то вы знаете... Это вообще на сказку не похоже. Всё как у нас.

– Ну да! Я говорил, что это правда, а не досужие байки. Ладно, медлить некогда. Того гляди, гонцы Мглы пустятся в погоню. С поручением они не справились, могут...

– Что? – я криво усмехнулся. – Могут по шее надавать от огорчения?

– Вроде того... Чем стоять тут, как два придорожных столба, лучше давайте пойдём. К вечеру нужно быть в Велевце.

– Где??

– Перебирайте ногами! – рассердился Радим. – Иначе нам до завтра туда не добраться. Здесь ночевать желаете? Ничего хорошего, должен сказать.

Ну здорово, хотел возмутиться я. Загнал в какую-то глушь, а куда теперь идти – сам догадывайся. Мы стояли на перекрёстке, там, где проезжий тракт перехлёстывался с довольно широкой кривой тропой. Ни тебе указателей, ни прохожих, чтоб дорогу спросить. Он бы меня ещё одного отправил!.. Но Окраинный Странник уже бодро затопал по тракту в сторону леса. И на том спасибо, теперь хоть понятно, куда идти. Я кинулся догонять Радима.

– А Велевец – это что?

– Столица Соснового Края. Один из оплотов Лесотравья. Там держит правду князь Владен. Если не ошибаюсь,

у него сейчас гостят Мечислав из Озёрного Края и Милонег из Пустынного. Князья хотели собрать Совет. После того, как князь Авда отдал Низинный Край Мгле, вся оборона трещит по швам.

– Ишь ты, прям война... Что-то имена у ваших князей на древнерусские больно похожи.

– Как знать, – Радим лукаво покосился на меня. – Может быть, напротив, ваша история есть отражение истории Лесотравья. Я же объяснял, Круги соприкасаются...

– Помню, помню. Значит, Лесотравье – это времена Бояна. Здесь, наверное, и наши сказки оживают?

– А что такое сказки? Память о прошедшем, не более. Или о Пограничье Кругов. Не удивляйтесь, если встретите что-то такое, во что никогда не верили. Только, Ярослав, хочу предупредить – у каждого Круга свои Законы. Не проводите параллель между вашим Кругом и Лесотравьем. Многое, вам известное, может скрываться тут под иными обличиями и быть совсем не таким, как вы привыкли думать.

– Интригуете? Разберусь как-нибудь.

– Верю. Но не слишком надейтесь на помощь – это лишь в ваших сказках герой собирает ораву единомышленников и они помогают ему совершать подвиги. Здесь жизнь, своя жизнь, и вам, чтобы выжить, волей-неволей придётся вспомнить Лесотравье до конца.

Я покачал головой.

– Не пугайте. Объясните лучше, почему я должен ещё

что-то вспоминать? Ну, понятно – мои биоритмы настроены на ту же волну, что и биоритмы Лесотравья...

Радим поморщился.

– Фу! О чём вы говорите? Какие биоритмы, какие волны? Оставьте эти грубые выкладки. Ваша беда в том, что вы пытаетесь всё объяснить. Я знаю, я исходил ваш Круг вдоль и поперёк. Люди в нём мечтают стать богами, простое усложняют, красивое выворачивают наизнанку. Им кажется, что так будет удобнее жить. Пфуй! О чём вы говорите?!!

И хотя я ничего подобного не говорил, но спорить не решился. В этом Круге действовали какие-то свои понятия, и кое-что я уже понял. Более того, меня покалывала смутная мысль, что мне и впрямь знакома эта местность. Унылое покрывало полей, лес под угором и даже перекрёсток, что остался за спиной, – как будто бы я всё уже где-то видел. Можно сказать, что во сне... Можно было бы, если б не моя проклятая недоверчивость. Немало в моей жизни случалось поездок по просторам отечества, и подобных ландшафтов я насмотрелся вдоволь.

– А всё же... Коли на меня возлагаются такие надежды, то, верно, известно, что я должен делать. Что именно? Драконов нет, принцесс спасать не нужно. Для чего я вам понадобился? Не сражаться же с воплощением Зла? Это ерунда какая-то... И кстати, как она выглядит, ваша Мгла? Зверь, человек или, простите, большая куча дерьма?

– Вот это вам и предстоит выяснить. И выяснив, дать бой.

– А поподробнее нельзя?

– Нельзя. Я не имею права открывать вам будущее. В конце концов, вы его сами выбираете. Я лишь Окраинный Странник, кое в чём мне разрешено помочь, но не больше.

Нет, занятая у нас всё-таки была беседа. Главное, содержательная. Этот Окраинный Странник объяснялся одними намёками, предоставляя мне самому искать ответы на вопросы, неизвестно кем заданные. Не хочет говорить – не надо. Когда-нибудь я и так всё узнаю. Только что же он имел в виду, говоря о выборе будущего? Разве будущее не записано в Книге Судеб, которую никто не в силах изменить?

Я спросил Радима об этом. Но тот лишь неопределённо пожал плечами.

– Рано или поздно для каждого человека наступает миг равенства – тот час, когда он сам выбирает дальнейшую дорогу. И никакие боги не могут ему помешать. Тогда в Книге Судеб переворачивается страница, и только от вас зависит, что будет написано на следующей. Но я не позавидовал бы тому, для кого наступает этот миг равенства.

– Почему?

– Это слишком больно.

– Но ведь выход есть всегда?

– Как знать...

Что-то уж чересчур зловещее почудилось в его голосе. Невольный холодок пробежал по моей спине. А может, это сиверко ворвался под распахнутую куртку? Хотя здесь и ав-

густ, а не жарко. Если бы распогодилось и ветер стих, глядишь, это непонятное Лесотравье мне раем показалось бы по сравнению с декабрьской стужей моего мира. Или Круга? Как мне это теперь называть? И как вообще вести себя?

– На вас никто не станет пялить глаза, – Радим, разумеется, не преминул меня опередить. – За вами не побегут толпы любопытных. Этот народ не знает слова «сенсация». Будьте самим собой, отдавайте должное князьям и дружинам, не задирайте нос. Всё просто... А вот и лес.

И правда, за разговорами дошли до ельника. Воздух сгустился, дохнуло грибами и прелой хвоей, и это немного перебило мерзкий запах гари. Дорога чуть сузилась, завиляла хвостом, как нашкодивший пёс. Широкие лапы елей бесильно тянулись к нам, из-за корней сбоку нахально глянул целый выводок мухоморов. Где-то сзади гроыхнуло – пока ещё далеко и с лентой.

– Скоро дождь нагонит, – заметил я.

– Успеет. Тут поблизости есть одно логовище. Главное, чтоб хозяин дома был.

– А он кто? Лесник?

– Вроде того, – Радим загадочно хмыкнул. – Зовут его Кион. Зная вас, предупреждаю сразу – не стоит на него тарашиться.

Я удивлённо покосился на Окраинного Странника, но промолчал. Чего же такого особенного в этом Кионе? Злой, что ли, слишком, или рога на лбу растут? Ладно, уви-

дим... Мы прибавили шаг — дождь и в самом деле наступал на пятки. Скоро он уже плевался за нашими спинами по верхушкам елей. А мокнуть не хотелось — не знаю, как Радим под своим плащом, а моя куртка предназначалась для зимних холодов, а не для августовского ливня.

Наконец Радим свернул с дороги и углубился под мрачное переплетение ветвей. На какое-то время они могли спасти от дождя. Правда, теперь продвижение замедлилось. Ели старались подло ухватить за шиворот, под ноги то и дело норовили подвернуться корни, толстые, как амазонские змеи. Ботинки утопали в рыжей хвое среди седых кочек мха. А дождь, пытаясь добраться до нас, старательно продавливал навес еловых лап.

Он уже почти настиг Радима и меня, когда прямо перед нашими носами возникло подобие избушки. По правде сказать, это больше походило на землянку в несколько накатов, и на земляной крыше среди почерневших брёвен и веток подрагивал крохотный кустик можжевельника. С первого взгляда и вход в это жилище было не различить — он терялся меж корней-удавов. К тому же всё это сооружение было обильно усыпано хвоей. Удивительно, как Радим вообще его нашёл. Будь я здесь один — ни в жизнь не понял бы, что это чей-то дом.

Окраинный Странник стукнул в грубую дверь, сколоченную из толстенных досок. Она тут же охотно приотворилась, словно в логовище давно ждали гостей. Мы нырнули

в эту берлогу, и дверь сама захлопнулась за нашими спинами с надсадным треском.

Было темно. Мрак логовища почти не рассеивался крохотной лучиной, мерцавшей в дальнем углу. И свет, еле-еле проникавший сквозь такое же крохотное отверстие в стене, был слишком тусклым, чтобы разглядеть, что и кто скрывается тут, внутри. Но Радима это не смутило.

– Мир дому сему, – промолвил он спокойно. – Здравствуй на годы, Кион.

– И вы здоровы будьте, – отозвался невидимый хозяин густым утробным голосом, больше походящим на ворчание какого-то зверя. Я тщетно пытался разглядеть Киона в потёмках. Здесь, наверное, нужны были глаза позорче моих. Различил только огромную бесформенную массу неподалёку от нас. Если это хозяин, то Радим не зря меня предупреждал...

По-видимому, Окраинному Страннику тоже не нравилась тьма. Он уверенно шагнул к лучине и проделал с ней тот же фокус, что недавно со свечой в моём доме. Легко дохнул на огонёк, и пламя ярко вспыхнуло, осветив берлогу. Кион шевельнулся в своём углу, и я почувствовал, как ёкнуло от неожиданности сердце.

У хозяина берлоги не было лица. Вернее, оно было, но сплошь поросло тёмной с проседью гладкой шерстью. Пара круглых глаз жутковато отсвечивала жёлтыми искрами. Заострённые кончики ушей, казалось, тоже затерялись

в шерсти (или в меху?), и рта, и чёрного кошачьего носа почти не было видно. Впрочем, там, где у человека верхняя губа, шерсть росла гуще и чуть курчавилась – наверное, Кион усы отращивает, подумал я. Хозяин лениво и мягко поднялся с колоды, на которой сидел. Стоя, он показался мне ещё кошмарнее – долгорукий, слишком сутулый, весь как облитый длиннющей густой шерстью. Кто же он, всё-таки? Медведь, снежный человек или этот... как его... леший? Да тут всё вместе, и не хотелось бы встретиться с ним один на один.

Кион был первым странным существом, встреченным в Лесотравье, и мне этого хватило – после него уже не удивлялся никому. А в тот миг, забыв о недавних словах Окраинного Странника, я прилип спиной к косяку и заморожено пялился на хозяина, за что, в конце концов, и получил от Радима тычок в ребро.

– Позволишь ли переждать непогоду, Кион? – мой спутник покосился на меня, и во взгляде его плескалось столько негодования, что я, наконец, очухался. И даже сообразил склонить голову в приветствии. Как вести себя с Кионом, я не знал. И лишь сейчас понял, как же мало знаю о сказках и вообще о древнерусских временах. Ибо Лесотравье есть отражение именно той легендарной эпохи – это точно, точнее быть не может.

В берлоге Киона избытка скарба не наблюдалось. Обстановка спартанская: колода вместо кресла, грубо, но крепко сколоченный стол, лежанка с ворохом тряпья, доска конца-

ми на корягах, торчащих из стен, – несомненно, лавка для гостей. Потому что именно на эту доску Кион и усадил нас с Радимом так, что мы оказались аккуратно у стола. Незвестно, где у этого радушного лешака хранились припасы, но он жестом факира вытянул чуть ли не из воздуха деревянную посудину, доверху наполненную мёдом. Тут же на столе очутилась коврига, блюдо с черникой и малиной, жбан с... Я думал – с пивом. Оказалось, с молоком. Всё это богатство Кион выставлял молча и достаточно проворно, его длинные руки так и мелькали над столешницей. Наконец он уgomонился и вернулся на любимую колоду. Притушил свои жёлтые глаза и снова стал похож на непонятную меховую гору.

Радим кивнул мне – угощайся, – и сам первым потянулся к блюду с ягодами. Если вспомнить, что в моём мире на носу Новый год, то свежая малина с мёдом и хлебом уйдёт за милую душу как деликатес. Молоко было вкусным, но не коровьим – тягучее, с резковатым запахом леса и ещё чего-то. Пока мы ели, Кион не двинулся с места, можно было подумать, что уснул. Вот и общайся с таким хозяином.

Мы прикончили почти всё, что было выставлено на стол. Вероятно, сказалаcь прогулка по лесу, что так нагуляли аппетит. Грех не поблагодарить за гостеприимство, несмотря на упорное молчание Киона.

– Благодарствуем, хозяин!

Радим бросил на меня одобрителный взгляд. Груда меха на колоде чуть шевельнулась – Кион ответно качнул головой.

Его, похоже, совсем не удивляло наше вторжение. Но с другой стороны, судя по всему, он знаком с Радимом, так может быть, знает и то, зачем мы здесь появились.

Окраинный Странник устроился поудобнее с явным намерением начать беседу. Так и вышло.

– Скажи-ка, Кион, Мечислав уже приехал в Велевец?

Круглые глаза вновь пронзительно блеснули в свете лампадки. Кион гулко вздохнул и произнёс вторую фразу со времени нашего прихода:

– Вчера лесом проезжал.

– А к тебе не заглядывал?

– Я шума не люблю. С ним люди были.

– С малой дружиной, наверное, приехал, – догадался Радим. – А разговоров их ты не слышал?

– О напасти говорили. О лесе моём. О Велевце.

– О Милонеге?..

– Нет.

– А Милонег должен этой же дорогой ехать? – не утерпел я. Мне нравился наш неспешный ёмкий разговор. Правда, журналист, сидящий где-то глубоко в моей душе, хмурил брови недовольно – ему-то хотелось, чтоб Кион выражался не так кратко, чтоб было что записать... Я старательно душил выскочку. Приходилось то и дело напоминать себе, что я сюда, в Лесотравье, не за материалом для очередной статьи забрался – нет, кто-то упорно старается сделать из меня воина Добра, как бы пафосно это ни звучало. Стало быть,

нужно соответствовать этому образу, а не современной надоедливой ипостаси.

Меж тем на мой вопрос ответил вместо Киона Радим:

– Нет, Милонег подъезжает с другой стороны. Озёрный Край расположен севернее Соснового, а Пустынный – он на юго-западе. Но, думаю, Милонег прибыл в Велевец ещё раньше Мечислава... А скажи, Кион, в твоём лесу нынче как, тихо? Не пошаливают?

– Объявился один, – прогудел Кион. – Обмен. В руки не даётся. Уходит. У деревень балует. Авось уберу.

– Засланный казачок...

– Что вы сказали, Ярослав? – но, поскольку я благоразумно замолчал, Радим вновь повернулся к хозяину. – Кем он оборачивается, волком?

– Пока заяц да ворон. Дай срок – волком станет.

– Любопытно... Может, их несколько?

– Один. Сам видел.

– Ну-ну... Больше никого нет? Шишимор, моревиц?

– Нет. Тихо.

– Добро, – Окраинный Странник поднялся со скамьи. – Чую, дождь заканчивается. Пойдём мы. Спасибо, хозяин, за приют. А буде, подмога понадобится – зови. Сам знаешь, Владен никогда в помощи не откажет, да и я, чем смогу, подсоблю.

Кион молча кивнул, груда меха колыхнулась, и под этот напутственный кивок мы выбрались из берлоги. Уж не знаю,

каким таким особым чутьём обладал Радим, но и на этот раз он оказался прав. Пока мы гостили у Киона, дождь кончился. Дело своё он сделал – умыл мхи и еловые лапы, смочил ковёр из ржавой хвои и выполоскал до ослепительной яркости шляпки мухоморов. Но хмурь леса дождь разогнать не сумел. И небо, проткнутое снизу верхушками елей, по-прежнему оставалось унылым, скукоженным серой рябью. Не нравилось мне это место, мрачные мысли навевало оно. Неужто Киону охота жить одному здесь, в недоброй глуши? Шёл бы к людям, всё веселее. Впрочем, таким, как этот лешак, пни да коряги милее любого общества...

– А Кион – он кто? – спросил я, когда мы вновь шли по тропе.

– Хозяин здешний. В каждом лесу есть свой хозяин. Возможно, вам и других встретить доведётся. Они такие – чужаков сторонятся, говорить не любят. По крайней мере, с людьми. Будете в их владениях добрым гостем – помогут, если надо. А начнёте зверей для забавы бить, дерево ломать по глупой удали, браниться на весь лес – ну, значит, пощады не ждите. С такими лесной хозяин крут.

– Понял. Это леший, так и знал... А обмень, о котором говорили? Это кто, оборотень, по-нашему?

– Да, что-то вроде. В Лесотравье, как и в вашем Круге, всякой нежити полно. В мирные времена все эти клохтуны, моревницы, изводы не шибко высывались – на них всегда управа находилась. Ну, а теперь вот на свет начали... выпол-

зять. Вы их сторожитесь – многие из них лазутчики Мглы, а кто-то просто разгуляться решил. Кстати, кто это – засланный казачок?

– Да так...

Глава 4

Я много чего успел выпросить у Окраинного Странника, прежде чем лес расступился и уже совсем под вечер дорога вывела нас на просторы Лесотравья. Я глянул и ахнул. Уютная долина, почти кольцом охваченная неширокой речкой, словно сама подставила ладонь Велевцу. Город был чудо как хорош с его резными башенками теремов, бревенчатыми крепостными стенами и зубцами ограды детинца. Густые заросли ивняка у берега казались кружевными манжетами этого былинного дива. Но не выглядел Велевец пряничным городком с картинки. Он был величествен, грозен и великолепен – одним словом, стольный град Соснового Края. И я, помня слова Радима о Великой Битве, ничуть не удивился тому, что у крепостных стен пасётся немалый табун лошадей, а на сторожевых башнях холодно поблёскивают шлемы дозорных.

Сгущающиеся сумерки опускались на плечи города, река сжимала его тесным объятием. И белый холодный туман расползлся от воды тяжёлым покрывалом, которое даже ветер не в силах был сдёрнуть с травы и кустов.

Окраинный Странник обеспокоенно кашлянул.

– Поторопимся! Ворота вот-вот закроют. Если не успеем, придётся под стенами ночевать, снаружи.

– Неужто даже для вас не откроют? – поддел я его. Но Ра-

дим, похоже, моего ехидства не заметил.

– Князь настрого запретил после захода солнца открывать ворота, окажись там хоть его родной отец. А князь своих приказов не отменяет.

– Разве нас не ждут?

– Ждут. Поэтому прибавьте-ка шагу!..

Мы дружно прибавили шагу и чуть не бегом спустились с пригорка. Ночевать под кустами, укрывшись ветром и туманом, не улыбалось, так что я все вопросы оставил на потом и молча поспевал за Окраинным Странником. Он стремительно приближался к мосту, что-то бормоча под нос и одёргивая полы плаща, кои непутёвый ветер то и дело норовил завернуть веретеном.

На мой взгляд, мост был достаточно широк – четыре лошади свободно в ряд пройдут. Брёвна-сваи глубоко уходили в тёмную воду, в щетину камыша. В щель настила ножа не просунешь – так ровненько доски подогнаны. А балясины перил искусная рука украсила резьбой. Впрочем, мостом сейчас любоваться было некогда. Мы одолели его, подобно запыхавшимся спринтерам, и появились у ворот аккуратно в тот момент, когда мощные дубовые створы начали сдвигаться.

– Стойте!..

Из ворот высунулся дозорный, заросший светлой курчавой бородой мужик под два метра ростом – на голове кожаный подшлемник, кольчужная рубаха до колен, у локтя ру-

коять меча. Дитина оглядел меня крайне недоброжелательно, перевёл взгляд на Радима и немного просветлел лицом.

– А, Странник!.. Князь нонеча уже два раза посылал с прясла вас выглядывать. Проходите живее.

Ну, коли сами предлагают, мы вошли. Навстречу из-за широкой спины дитины выступили ещё двое – тоже в кольчугах, рослые, с внимательным прищуром глаз. Я заметил, как присматривались они ко мне – напряжённо, чутко. Даже ноздри у них вздрагивали, как у сторожевых псов, – с чем пришёл чужой, не принёс ли зла?.. Может, они, по уверению Радима, и не знали слова «сенсация», может, им было вообще наплевать, кто я – пришелец из иного мира или парень из соседней деревни. Однако взгляды этой троицы были красноречивы. Попробуй сунься, говорили они, попробуй сделать что-нибудь худое, живым не уйдёшь!

А ты думал, тебя встретят с цветами и духовым оркестром?..

– Провожатого дать? – пробасил дитина.

Радим покачал головой.

– Сами доберёмся. Смотрите в оба, в лесу обмен гуляет. Ему не в тягость и сюда доскакать. Кто в ночном?

– Кмети, четверо.

– Добро.

Дозорные посторонились, пропуская нас. Но их взгляды так и жгли мне затылок. Даже куртка, казалось, прилипла к спине. Как бы не приложили сзади по темечку на всякий

случай. Смотрят, как на ту самую шишимору...

– Не слишком-то они приветливы, – пробормотал я.

– Нынче время лихое. Откуда им знать, кто вы? Ни я, ни князь Владен ваш приход не оглашали. Эти дозорные понятия не имеют о том, кого я должен привести. Мы с князем да Изумрудная Дева – о вас известно лишь троим. Кстати, прояснить бы, что с ней...

Мне захотелось спросить, кто такая, наконец, эта Изумрудная Дева, которая у Радима с языка не сходит. Но спрашивать об этом я пока не стал. Успеется. Здесь, у них, лучше всего не спешить. К тому же, я подозревал, что рано или поздно мне расскажут всё-всё, до последней заковыки. Нельзя же, в самом деле, отправлять спасителя Лесотравья неизвестно куда и неизвестно зачем.

Кажется, совсем недолго мы с Радимом топтались у ворот – ну, всего-то несколько минут! – а на Велевец уже грузно упал влажный вечерний сумрак и окутал тёмным плащом посад, и островерхие крыши изб, и складские срубы. И ничего было бы не увидеть впотьмах, ведь фонарей в этом Круге, если я правильно понимаю, никто не изобретал. Но заботливые градостроители врыли на обочинах улиц столбы, где в прибитых кованых рогатках колыхалось пламя факелов. Такое освещение да в мой бы городишко, там на окраинах фонари в редкость. В редакции расскажу про этот способ, когда вернусь. Если, конечно, вернусь.

Улицы были сплошь деревянные. Мои ботинки глухо

стучали по высокой бревенчатой мостовой. Где-то лениво перебрехивались псы. Людей навстречу попадалось мало, и из тех одни мужчины – оружные, в поблёскивающих доспехах, провожающие нас косыми взглядами. Ни женщин, ни детей – видимо, с заходом солнца обычная жизнь тут замирала. Неужели они так рано ложатся спать? Или всему виной лихое время?

Мне бы шалеть от восторга, провалившись сквозь века в такую сказочную древность. Но в этом красивом и суровом городе я чувствовал себя настолько чужим, насколько никогда и нигде не ощущал. И уже начинал сомневаться, верно ли сделал, явившись сюда с Радимом. Что это вообще за страна? Где она? И зачем я ей?..

– Прекратите сопеть, – проворчал Радим. – Хотите, чтоб с вами носились, как с писаной торбой? Сначала заслужите почёт. Вы для этого Круга ещё ничего не сделали. Владен ждёт воина, а не подростка с ущемлённым самолюбием...

Ишь ты, какие мы слова знаем! Я, между прочим, сюда не напрашивался. У меня, может, куча планов была! У меня статья не дописана, кактус не полит, и дверь не заперта. Ради чего я всё это забросил? Жил без подвигов и дальше проживу...

Да что с тобой, растерянно одёрнул я себя. Сам себе вру – ведь никаких планов на Новый год не строил. И нечаянных приключений всегда ждал. И даже согласен зачем-то отправиться к чёрту на рога. И... и вообще мне тут нравится!

– То-то же, – голос Окраинного Странника заметно смягчился. – Наконец-то вы стали прежним. Усталость, я понимаю... Но думается мне, что здесь не обошлось без Мглы. Это она нашёптывает вам. Будьте осторожнее!

– Послушайте, – не утерпел я. – Вы знаете, что чужие мысли читать нехорошо? Мне не нужен рентген в наставниках!

Радим хмыкнул и вместо ответа указал на тёмную громаду, встающую впереди, с цепью огней поверху.

– Детьнец.

Детьнец – иначе кремль, княжеское гнездо. Он щурился на нас узкими прорезями бойниц, и даже в потёмках было видно, как на совесть утрамбован земляной вал в несколько накатов. Да уж, это, похоже, самое грозное сооружение в городе. И обитатели его, случись беда, продержатся очень долго. С такими укреплениями никакой Мамай не страшен.

Тяжёлые ворота детьнца были заперты, зато чуть сбоку приветливо выступала небольшая приоткрытая дверца. Рядом с нею под ярким факелом жмурились двое с копьями.

– Кто?.. – ошетинился один, стоило нам приблизиться.

– Да Странник это, не видишь? – безмятежно откликнулся второй из стражников и помахал рукой.

– А мы вас давно ждём! – и, понизив голос, тут же поделился новостью: – Озёрный князь пожаловал. И Пустынный здесь.

Парни были молодые, очень похожие друг на друга, белёсые и лопухие. И судя по всему, ещё восторженно-бестол-

ковые, им и сторожевое дело в забаву. У городских-то стен люди посерьёзнее выставлены, подумал я. А может, дружина Велевца уже сложила головы в Великой Битве, вот и приходится брать кого попало.

Я оказался неправ. Во дворе, освещённом кострами, народу собралось предостаточно. Вёрткие языки пламени неровно освещали лица воинов. А что это воины, а не забредшие на огонёк горожане, я сразу понял. Немало молодых, иные постарше, кто в полном боевом облачении, большинство же в простых рубахах да портах. Но оружие было у всех. Возможно, здесь такой обычай: раз уж состоишь при князе, то будь добр иметь под рукой меч, копье или просто нож – кому что привычнее.

Наверное, этот народ и впрямь трудно было удивить. Завылся в детинец какой-то бродяга в чудной одежде – ну и шут с ним, разберутся, кому надо. Кое-кто, правда, откровенно уставился в мою сторону, но пялились не на меня, а на куртку – ясен перец, здесь таких днём с огнём не видали. Куда больше внимания они уделили Радиму. Ну, честное слово, возвращение блудного сына или, учитывая возраст, скорее, отца. Ему жали руку, о чём-то многоголосо спрашивали, чуть не обниматься лезли. Глядя, каким успехом пользуется Окраинный Странник, я невольно нахмурился. Такая мысль мне в голову отчего-то раньше не приходила – а как у них тут со временем? В смысле сравнения со временем моего мира? Когда Радим отсюда ушёл за мной? От па-

мятного перекрёстка до Велевца мы с ним добрались самое большее за день. И это, считай, с заходом в гости. У меня он пробыл... ну, часа три. Может, здешнее время делает витки похлеще какой-нибудь орбитальной станции? Этаким макарон я рискую возвратиться домой либо через двадцать лет, когда дело о моём исчезновении давным-давно спишут в архив, либо попаду лет на десять назад, прямиком в гости к ещё не умершей бабуле. И то, и другое меня одинаково не устраивает.

Пока нас сопровождали в княжеские покои, я шёпотом высказал свои соображения Радиму. Тот поднял брови, что-то прикинул и легкомысленно отмахнулся.

– Не берите в голову! Я не вчера отсюда ушёл. Меня не было в городе около месяца.

– А куда вы...

– Ходил по одному неотложному делу, но оно не касается ни вашего Круга, ни Лесотравья... Лучше вспомните всё, что я вам говорил, и постарайтесь не ударить в грязь лицом.

Зря он мне это сказал, право, зря. Я послушно последовал совету Радима и понял, что совершенно ничего не помню о правилах местной учтивости. Да что там не помню – вообще не знаю! Кланяться князьям земным поклоном, челом бить? Нараспев и звонко провозглашать, дескать, гой еси вам? Или молча стоять болванчиком?... Ну, спасибо, господин наставник! Напугал меня так, что я чувствую себя как на приёме у генерала ФСБ.

Нет, пожалуй, надо отвыкать от этих современных аналогий, иначе я свихнусь через день-другой...

Очередные двери беззвучно распахнулись перед моим носом. Маленький зал – горница, хоромина или как это называть? – был довольно ярко освещён. Высоких кованых поставцов здесь понаставлено достаточно, чтобы без труда осмотреться. Я скользнул глазами вокруг. Да уж, интерьер такой, что фотокамера не помешала бы. Вдоль стен широкие лавки, около одного из окон узкий стол. Сами окна закрыты деревянными решётками, стены – простые, дощатые, ни тебе обоев, ни драпировок. В правом углу полукруглая печь, в левом – неподъёмный на вид ларь, а может, сундук. Ларь и лавки были донизу покрыты красивыми красно-зелёного узора коврами. На полу – пёстрые половики. В резьбе арочного свода угадывались какие-то диковинные лики.

Однако не слишком пышно для княжеских покоев... Я-то думал, здесь всё золотом отделано. Всех украшений – несколько богатых боевых щитов на стенах, да ещё невеликая доска между окнами. Не то икона, не то картина, а что на ней нарисовано, толком да издалека не разберёшь. И если подобие кресла с высокой спинкой, что рядом со столом, – это и есть княжеский трон, то одно из двух: или князь Владен за роскошью не гонится, или Велевец вовсе не так богат, как мне казалось. Впрочем, последнее маловероятно, уж больно хорош город. И столица к тому же...

Но всё это я отмечал мимолётно, краем глаза. Взгляд мой

прикипел к людям, стоящим у стола. Было их четверо и сразу видно – не из простых. Почему-то князя Велевца я признал тут же и даже этому не удивился. Владен был моих лет, невысок, гибок, ещё не успел заматереть. Но его открытый лоб уже пересекли две морщинки, а светлые глаза смотрели пристально, словно ощупывая меня с ног до головы.

Остальные были постарше – чернобородый кряжистый вояка, высокий дородный мужчина с холёным лицом и седоголовый человек, на левой руке которого не хватало двух пальцев. Я по привычке начал гадать, кто есть кто. Смущало то, что князей должно быть трое, значит, четвёртый – лишний. Ну, вояка, конечно, Мечислав, уж больно имя ему подходит. Холёный, стало быть, Милонег, вон какие длинные тёмные ресницы – ровно девичьи. Колчерукому в этой компании, по моим расчётам, роли не находилось, и я оставил его на потом.

Владен шагнул нам навстречу. Двигался он стремительно, улыбка встопорщила короткую светлую бороду.

– Радим, ну наконец-то!

«Поприветствуй князей», – наставительно прозвучал в моей голове голос Окраинного Странника. И я махнул на все былинные челобития и земные поклоны, кивнул и сказал – чтобы сразу всем:

– Здравствуйте!

Нас ответно поприветствовали – коротко и обыденно, совсем по-нашему, по-домашнему. От этого робость немного

улеглась, я перевёл дух. А Владен братски похлопал Радима по спине и протянул мне руку.

– Ты всё-таки пришёл! Мы тебя ждали.

Его пожатие оказалось неожиданно слишком крепким. Видать, князь привык держать в руке меч и вожжи, а то, глядишь, и боевой топор. На миг я даже ощутил себя слабаком, особенно при взгляде на его широкие плечи, туго обтянутые рубахой. Нет, ну а я чем хуже? Может, в силе с ним и не сравниться, однако же не мне нужны эти прославленные князья, а я им. Без меня справиться не могут. Стало быть, и в нас есть какая-то сила, пусть даже иная, – зато у Владена такой в помине нет.

Тут подал голос от стола тот, что выглядел холёным.

– Как тебя звать?

– Ярослав, – я решил обойтись без фамилии.

– Княжеское имя, – задумчиво протянул старик. – Чьего ты рода?

Я намеревался учтиво объяснить колчерукому, что князей в нашей семье отродясь не водилось. Но вместо этого с ужасом услышал собственный голос:

– Рода я вообще-то мужского. А родителей моих ты знать не можешь. Я пришёл сюда из другого мира, сами звали. Кстати, может, и ты своё имя назовёшь?

Ёшкин кот, что это я ляпнул? Метнул перепуганный взгляд на Радима – тот обморочно закатил глаза. Но губы его насмешливо вздрагивали, и я уразумел, что голову мне

за такие дерзости не снимут. Стерпят и переживут.

Точно, стерпели. И даже словно не заметили моего неприкрытого хамства. А может, у них так принято выражаться, не знаю. Во всяком случае, Владен весело сощурился и обернулся к своим.

– Он прав, высокие князья. Воина сразу видно по его речам. (Услыхав такое, я обмер вконец – выходит, сам себе напакостил.) Так будем же знакомы, воин. Я – Владен, князь Соснового Края. А это...

Нет, ну я и впрямь кретин! Как выяснилось, не угадал ни одного. Вот уж где внешность обманчива, особенно в этом мире. Холёный оказался Мечиславом. А Милонегом – у меня чуть ноги не подкосились, – тот самый колчерукий старик. Выходит, я, пяти минут здесь не пробыв, умудрился надерзить настоящему князю. Кто тебя, идиота, за язык тянул?.. Кряжистый назвался Годином, ближним другом и военачальником Владена. Я поймал на себе его изучающий взгляд. Наверное, именно от него дозорные переняли эту привычку высматривать в каждом незнакомце лиходея. Ладно, пусть тарашится, у меня совесть чиста.

– Князь, ты поведал высоким гостям, кто Ярослав? – это Окраинный Странник. Он все усмешки с губ уже смахнул, и лицо его было серьёзнее некуда.

– Да, они должны были знать. Это наша последняя надежда. Но ты, Радим, наверное, новостей ещё не слышал?

– Откуда бы? – проворчал тот и легонько подтолкнул

меня – хватит, мол, у порога стоять, проходи, что ли. Мы все чинно уселись по лавкам. Сам Владен опустился рядом с Окраинным Странником. Это мне понравилось – трон свой он оставил без внимания, чтоб гостей не обижать и своё превосходство не выказывать.

Начал, впрочем, не он, а Мечислав. Голос Озёрного князя был глубок и звучен, однако наполнен горечью.

– Авда здорово подпортил дело. Знать бы, что он перейдёт на сторону Мглы, своими бы руками удавил, не посмотрел, что шурин. Теперь его войска на стороне врага, и мы бьёмся не только с Мглой, но и с ними. Мои дружины редеют, у нас уже не осталось людей. Гонцы собрали с моей земли всех, кто может сражаться. Поверьте, я стыжусь, но в некоторых отрядах есть совсем мальчишки... Если бы не ваша, князья, помощь, мой край уже принадлежал бы Мгле. А смута – клянусь богами, такой смуты в дружинах не бывало! Волхвы не в силах помочь, людям не растолкуешь, что с ними сражается Мгла, а не их родные.

– Чего-чего? – вырвалось у меня.

Князь, кашлянув, потёр переносицу.

– Ты не встречался с воинами Мглы? Хотя да, откуда бы... Это воинство теней, которые, убивая людей, принимают их облик.

– Оборотни?

– Да нет, здесь иное. Они бесплотны, но становятся сильнее с каждой новой жертвой. А уж похожи на неё – одно ли-

цо! Подумай сам, каково это – биться с другом? Дружина ропщет, своих рубить страшатся.

Ну, можно поверить, почудиться такое может только в бреду. Что ещё за тени, отбирающие облик? Коли это правда, то нужно быть очень храбрым, чтобы переть прямо на них.

Я вспомнил, что теперь и я воин – по крайней мере, князья так считают. На миг даже приосанился. Стало быть, полагается словами не сорить, слушать бывалых и на ус мотать. Но вопросы лезли сами собой:

– А эти тени... как их там... Они умирают? Их убить-то можно?

– Можно, – Мечислав зло потрянул каштановой копной кудрей. – Но сложно. Тут в глаза надо метить. Поди прино- ровись в такой сече.

– Это ведь им всё равно, куда рубить... – согласно буркнул Владен.

Я поморщился. Словечко «рубить» каждый раз заставля- ло вздрагивать. В нём скрежетали зазубренные клинки, сви- стели, рушась на шеи, топоры, с хрустом дробились кости. Я всё же не мясник...

Куда же ты попал? За какими приключениями тебя по- несло в запредельное Лесотравье? Может, это всё-таки сон?.. Нет, не сон. Перед тобой сидят живые люди, хмурые, тёртые в боях, под стать этому суровому миру. А ты? Что ты вообще умеешь? Статьи писать? Так в Лесотравье газет нет. Учеб-

ные стрельбы в армии, конечно, были. Только вот незадача – здесь они сажают из луков, не из автоматов Калашникова. Ну, приёмы рукопашного боя немного знаю – в той же армии учили. Но, боюсь, до рукопашной не дойдёт – подрежут мечом или копьём достанут.

Погоди-ка, а ведь это и вправду не сон!

Тебе в этом мире долго не прожить. Убьют в первой же схватке. Зарубят и всё, им это запросто.

Ты что, так торопишься умереть?..

Фитили светильников не трещали, горели ровно. Сквозь решётки окон доносился смех и голоса тех, кому, быть может, через несколько дней лежать в открытом поле под крыльями летающего воронья. А облики погибших, их лица, их силу и удаль возьмёт себе Мгла и станет ещё могущественней. И сгинет этот мир, проглоченный одной огромной тенью...

Я очнулся от мрачных видений. Мечислав по-прежнему рассказывал о битвах своих отрядов с Мглой, и голос его становился всё глуше и ожесточённее. Остальные слушали молча, опускали глаза, подпирали головы руками. Озёрный князь говорил о том, как лучшая его дружина сплошь полегла после трёхдневного боя без отдыха, не дождавшись подмоги. И как наступали призрачные воины Мглы, как обтягивались они плотью сражённых бойцов. И как густел мрак, и как сбивал ветер лошадей с ног, и ломал копья, и кровь заливала траву и стекала в ближайшее озеро.

Люто.

Я украдкой покосился на Радима. Но он не смотрел ни на меня, ни куда ещё. Слушая Мечислава, он размышлял о чём-то своём, и брови его сходились к переносью. Быть может, он уже успел пожалеть, что вытянул меня сюда? Или заранее оплакивал Лесотравье?

Озёрный князь, наконец, умолк. Какое-то время все молчали, и тяжёлое это было молчание. Тишина стопудовым валуном давила на плечи. Потом заговорил Милонег:

– Я снова дам тебе дружины. И отправлю послов в Западный Край, вдруг и там чем помогут. Велевец пока что прикрывает нас с востока, но придётся готовиться к бою. То, что ты поведал, – это, знаешь ли...

– В моём краю тоже ещё достаточно воинов, – откликнулся Владен. – Однако боюсь, что Мгла поглотит и их так же, как сожрала прежние дружины. Мы без толку губим людей. Сколько можно держать оборону?

– Мгла не спешит. Она наступает медленно, но удержать её мы не в силах. В конце концов случится так, что все, кого она убила, направят мечи на нас. Это битва против самих себя.

Тут князя словно очнулись, и их взоры дружно обратились ко мне. Я невольно втянул голову в плечи. Точно! Даром, что ли, на лавке штаны протираю? Вот и вспомнили о последней надежде Лесотравья. Чем губить свои полки, лучше свалить всю ответственность на меня. Кажется, сей-

час погонят на войну.

– А я всё ждал, когда просветлеет ваш разум, – это вступил в беседу Окраинный Странник. – Я же не зря привёл его сюда. Знаете ли вы, что он должен свершить?

– В предании сказано, что Чужак развеет Мглу, – неуверенно молвил Мечислав. – Хм... Прости, Радим, но он так молод, что не представляю, как это сделает.

Пустынный князь снова прошёлся по мне глазами и забрал в кулак седую бороду.

– Я помню предание лучше Озёрного, да простит он меня. Чужаку сперва нужно сразиться с Тёмным Витязем и лишь потом идти во Мглу. Однако до сих пор я ничего не слышал ни о каком Тёмном Витязе.

– И я.

– И я... Радим, а ты что-нибудь знаешь о нём?

Окраинный Странник печально качнул головой.

– Отчего вы так плохо изучали рукописные свитки, князь? Прежде Утренней Поры царила Пора Сумеречная. Вам знакомы предания Сумеречной Поры?

– Я не слышал о них, – насторожился Владен. Прочие переглянулись и тревожно уставились на Радима.

– А что в них?

– В них всё туманно. Предания говорят, что битва с Мглой зависит от того, кто победит в поединке Чужака с Тёмным Витязем. Страшный это будет поединок. И ежели Тёмный Витязь одолеет, то умрут древние боги...

Князя содрогнулись. Я тоже.

Ещё чище! Коли я и есть Чужак – а ведь речь обо мне, правда? – то положение очень незавидное. Между прочим, Радим, уговаривая меня сюда податься, ни словом не обмолвился ни о каком Тёмном Витязе. Сражаться с Мглой – куда ни шло, в это мне до конца не верилось даже сейчас. А вот Тёмный Витязь – это что-то конкретное. И поединок с ним – серьёзнее некуда, раз уж и предания Сумеречной Поры о том предостерегают. Сгину я там, как тевтонец на Чудском озере.

Во попал! Ох, найдётся у меня парочка вопросов к лукавому Радиму...

Впрочем, затрепыхался не один я. Князя помрачнели ещё больше. Милонег так дёрнул свою бороду, словно вознамерился выдрать её напрочь.

– Так что же? Если Тёмный Витязь положит Чужака, то с Мглой уже не справиться? И Лесотравье погибнет?

– Этого я не знаю.

Глаза Окраинного Странника смотрели открыто и честно, но голос чуть заметно дрогнул, и мне почудилось, что Радим чего-то не договаривает. Сплошные тайны, право слово.

– Нет, а как же Тёмный Витязь? – не отставал Мечислав. – Он нигде не появлялся, мои следопыты о нём не доносили. Может, всё-таки ошиблись твои предания?

– Не обольщайся, князь, предания не лгут. И Тёмный Витязь уже идёт по Лесотравью. Вы скоро услышите о нём. Остановить его способен лишь Чужак.

– Он слишком молод, – упрямо поворчал Милонег. – Он не выстоит.

– Как знать...

Тут встрял Годин, который как представился, так и помалкивал с тех пор, лишь чёрными усами поводил и шелушил меня взглядом.

– Здесь нужен человек поопытней. Отправь меня, князь! Я сражусь с Тёмным Витязем и принесу победу Лесотравью. Предания можно изменить. Позволь мне!..

Владен тяжело поднялся с лавки, пересёк горницу и остановился у щитов на стене. Долго изучал их, будто в первый раз разглядывал, потом развернулся к нам.

– Нет, Годин. У тебя другой путь – ты пойдёшь с тремя моими полками под начало Озёрного князя. А что касается Чужака... Да, он молод, даже меня гораздо моложе. («Что? – вытаращился я на Владена. – Что он несёт, мы ж сверстники!») Но по преданиям, не житель Лесотравья, а именно Чужак закончит Великую Битву. Предания изменить нельзя. Я не знаю, что нас ждёт, но я верю Радиму. Ему ведомо сокровенное, и он сам привёл к нам Чужака из иного Круга. Я надеюсь на него.

Ага, надейся. Все надейтесь!.. Пожалуй, из вас Годин один – разумный человек. Он и опытней меня, и всяко старше. И в оружных драках знает толк. Вот и пусть отправляется встречать Тёмного Витязя, тем более что сам того желает. А мне разрешите скромно удалиться – к перекрёстку,

с которого прямой путь домой. В мой городишко, редакцию и Новый год. И никаких чудес, и никаких поединков.

К счастью, мне хватило ума не выпалить это вслух. Но Радим, похоже, прочёл, как всегда, мои мысли, потому что стиснул мой локоть и заставил подняться. И сам встал рядом.

– Высокие князя! Вас смущает молодость Чужака. Но знайте, перед вами воин, каких ещё не видело Лесотравье. В нём таится сила, и подобной силы нет ни у кого из вас. Каждому своё, Годин. Ты пойдёшь с полками и станешь доблестно сражаться с врагом. Ты, Мечислав, будешь стоять на рубежах Лесотравья. Милонег отправится в Западный Край за подмогой. А Владену придётся сделать то же в Диком Краю. Думаю, хан Вар ещё не подозревает о той угрозе, что нависла над его степями.

Не скажу, что князя враз успокоились и повеселели. Но судя по всему, эта речь совету понравилась. Кроме разве что Година – тот лишь одарил меня ещё одним угрюмым взглядом. Или ему так хотелось прославиться, или он просто-напросто не доверял мне. Да что там, я сам себе не доверял. И сколько ни прислушивался, не мог ощутить в душе ту расхваленную Радимом силу. Даже отголоски отваги куда-то запропастились, вместо неё пузырями вспухала беспомощность и, чего таить, подлый страх. Чувал я, что приходит мне бесповоротный конец. И лишь остатки гордости не позволяли высказать всё, что я думаю о княжеском совете.

Ишь, нашли ягнёнка на заклание!

Ну, а что, не правда? Ты – баран. Зачем открыл дверь в своё время и на свою голову? Теперь расхлёбывай. А отказаться нельзя – они не поймут.

Но есть ещё кое-что, мешающее сказать «нет». Ты не пропустишь сам себя.

– Кстати, князь, где Изумрудная Дева? – раздался над моим ухом голос Радима. – Она задержалась в дороге или ей что-то помешало?

Владен так и подался вперед.

– А что, она не отворила замки его памяти? Но как же тогда он пришёл сюда?

Окраинный Странник непочтительно фыркнул.

– Вслед за мной, как ещё?... Так где Изумрудная Дева?

– Понятия не имею. Я оставил её в святилище, когда она начинала обряд. Это было три дня назад, и с тех пор я её не встречал. Но если она не появлялась в Круге Чужака, то каким образом он вспомнит о своей силе?

Мы с Окраинным Странником переглянулись. Вспомнить о силе...

– Я постараюсь отыскать Изумрудную, – со вздохом пообещал Радим.

– А ужином нас не накормят? – со вздохом осведомился я.
...Коли всё равно пропадать, так не от голода, верно?

Глава 5

– Вы мне можете объяснить, что происходит?

– А что? Всё не так плохо.

– Ничего себе – неплохо! Иди сражайся... Тёмный Витязь... Ёшкин кот! Да я меча в руках сроду не держал! Меня фехтовать не учили. А если вы считаете, что я знаю, как стрелу на тетиву накладывать, то вы очень даже заблуждаетесь!

Выговаривал я это всё Окраинному Страннику на другое утро, хмуро натягивая немудрёную одежду здешнего мира. С курткой и джинсами пришлось распроститься – очень уж нелепо я в них выглядел. Хотя никто мне слова накануне не сказал, все вежливо делали вид, что для Лесотравья это самая привычная одежда.

Ужин вчера был роскошный – при взгляде на блюда с копчёной свиной, жареным гусем и ухой из лосося жалкие мороженые окорочка в холодильнике начисто стёрлись из моей памяти. Гостеприимный Владен, наплевав на холопов, своими руками подливал мне вина, кисло-сладкого, с лёгким изумрудным оттенком и такого ядрёного, что я, и без того уставший с дороги, скоро окосел. Во хмелю я обычно не буен, напротив, опасаясь брякнуть что-нибудь лишнее, а потому становлюсь молчалив и осторожен. Я закусывал и слушал избранное общество. Когда ещё с тремя

владыками зараз так погулять придётся?

Князьям, в отличие от меня, вино по мозгам не дало, они были мужики крепкие, не чета некоторым журналистам. Им было всё едино, вино они глушили, как воду, и за столом о напастях не рассуждали. В моей несчастной пьяной голове гулким звоном отдавались их голоса. Милонег рассказывал, до чего хороши табуны Дикого Края. Но ценят их всё же меньше, чем драгоценные жемчуга Юга, – за каждый десяток великолепных скакунов идёт одна жемчужина, прозрачно-матовая, нежно-розовая, таящая в себе переплетение солнечных лучей и морского ветра. Мечислав хвалился искусством озёрных кузнецов-оружейников и утверждал, что меч, созданный их руками, способен раскроить сверху до низу любого ратника в кольчуге из чернёной стали. Владен с Годином на это дружно ухмылялись и предлагали Озёрному испробовать изделия местных мастеров. Молчали только мы с Радимом. Я, приткнувшись в уголке, окончательно сомлел, а он предпочитал не болтать, а слушать, учтиво улыбаясь собеседнику. Вина Окраинный Странник вообще не пил, потягивал брусничный квас из ковша.

Проснулся я поутру в малой горенке, залитой солнцем. Продрал глаза, зевнул, непонимающе огляделся. И осознал, что лежу не на любимом бабкином диване, а на широком низком ложе, на грубой простыне, укрытый одеялом из рысьего меха. На рундуке у изголовья ворох какого-то тряпья, а в дальнем углу сидит на лавке Радим и, устроив подбор-

док на сцепленных пальцах, внимательно за мной наблюдает.

Лучше б я не просыпался!

– Доброе утро, – сказал Окраинный Странник. – Пора подниматься, вас давно ждут.

– Никуда я не пойду.

– Ещё как пойдёте! Забыли, о чём вчера на совете говорилось?

– Вот именно, что помню...

Радим был явно не в духе. Он без церемоний сдёрнул с меня одеяло и сунул в руки одежду.

– Одевайтесь, кому сказал!

Я шёпотом бранился, путаясь в штанах. Высокие сапоги из мягкой кожи стягивались у колена ремешками и ладно сидели на ноге. К рубашам навывпуск я не привык, но куда деваться. Сверху пришлось натянуть бурую суконную безрукавку. А вот ременной пояс мне пришёлся по душе – удобный, с красивой пряжкой и серебряными бляхами по всей длине. К такому поясу пристегнуть бы нож, но после своего малодушного ворчания заговорить об этом с Радимом я поостерёлся.

– Почему вы раньше не сказали мне о Тёмном Витязе?

– А разве это что-либо изменило бы?

– Наверное, нет... Но могли бы и предупредить.

– Предупредить вас я мог ещё о многом. Например, о том, что здешнее вино – коварная штука. Или о том, что кровь тут льётся настоящая, не малиновый сок. Затягивайте пряжку...

Вот так. Вам нельзя поддаваться страху, это самое главное. Ни сейчас, ни потом. Иначе вы не справитесь.

– Я по любому не справлюсь.

– Послушайте, Ярослав! Устрашённый воин – побеждённый воин. Вы всего лишь занесли ногу для первого шага, а уже боитесь, что это не дорога, а болото.

Я поморщился.

– Ой, прошу, давайте без нотаций. Кстати, каким вином меня вчера поили? Выпил изрядно, а голова не трещит.

– Ну, ещё бы, это не водка вашего Круга. Ладно, оделись? Пойдём.

– Нет, погодите! Вы так и не сказали – я могу погибнуть?

– Погибнуть может каждый, – голос Радима прозвучал на редкость глухо и сумрачно. – Другое дело – погибнуть со славой или с позором.

– Спасибо, утешили... А почему они так трепали мой возраст? Чем я им не угодил? Уж Владен-то постыдился бы – года два разницы, не больше.

Ох, не к добру была эта усмешка на губах Окраинного Странника. Такого ехидства я в нём раньше не замечал.

– Вы думаете? Гляньте-ка сюда.

Он протянул мне небольшое круглое зеркальце. Я взглянул и поперхнулся следующим вопросом. Металлическая поверхность зеркала отражала мою ещё помятую со сна физиономию. И ни следа в нём не было моих потрёпанных двадцати восьми, и повторяло оно почти то же видение, что зер-

кало в бабкином доме. Я смотрел на себя – лет на десять моложе, такого, каким был когда-то в полузабытой юности.

Пришёл в чувство, очумело взглянул на Радима. Теперь понятно, почему они мне не доверяют...

– Это что? Куда дели мои года – моё богатство?

– А что вам не нравится? Молоды, как прежде.

– Ну да. И юный Октябрь впереди... А надолго это? Или пока с Мглой не разделаюсь? А потом? Вернусь таким домой – родителей кондрашка хватит. Из редакции сразу уволят.

Радим погрозил мне пальцем.

– Не заглядывайте в будущее. Многие вам позавидовали бы. При ваших юных годах у вас уже есть опыт прожившего человека. Но если мы сейчас же не спустимся вниз, вы здорово подпортите свою репутацию. Ну, пойдём, пойдём уже, хватит в зеркало пялиться...

После завтрака Владен пригласил князей и нас с Радимом в свой «тронный зал». Годин был тут же – ещё более мрачный, чем вчера. На сей раз по лавкам рассиживаться не стали, сгрудились у стола. На нём была разложена потёртая пергаментная карта – верно, и накануне они её разглядывали допрежь нашего появления. Палец Владена с коротко остриженным ногтем упёрся в линии прочерченных холмов, двинулся в поход по паутине дорог.

– Вот здесь кончается Озёрный Край. А это поймы Низинного Края... Мечислав, где остановилась Мгла?

– Да кабы она остановилась... – Озёрный князь склонился над пергаментом. – Была вот здесь. Где сейчас, не знаю, гонцов пока нет. Но медлить нельзя – она вот-вот затопит мои земли. Что скажешь, Радим?

– Что тут сказать... Чужака нельзя отправлять по открытой дороге, за ним сразу начнётся охота. Мгла уже знает, что он в Лесотравье. Ему придётся тайком идти через Рыжий Бор, по Болотным Хлябям. Затем он пересечёт... ну-ка, ну-ка... пересечёт Ивовые Холмы и зайдёт во Мглу с запада. Последним рубежом будет Поющий Камень.

– А Тёмный Витязь? – обронил молчавший до этого Годин.

И снова Радим свёл брови сумрачно.

– Тёмный Витязь сам его найдёт. Их встреча неизбежна. И чем позднее это случится, тем лучше.

– Но не удобнее ли Чужаку идти вместе со мной? – озабоченно спросил Озёрный князь. – Мои воины защитят его от беды в дороге и помогут справиться с Витязем.

Я такое предложение приветствовал всей душой и признательно взглянул на Мечислава. Здоровья тебе, добрый человек! А Радим, видать, окончательно спятил – отправлять меня в одиночку через какие-то хляби в тыл ко Мгле без всякой поддержки. Даже пусть мне дадут карту – чёрта с два я в ней разберусь на незнакомой местности!

Но Радим отрицательно качнул головой, разбивая в прах мои надежды.

– Нельзя! Он должен идти навстречу Мгле один. Так говорит предание. Тебе, Мечислав, и без того забот достанет. Придётся отвлекать на себя врага, отводить от Чужака лишние напасти, пока он станет пробираться лесами на северо-запад. Ему нужно торопиться и уходить уже сегодня.

Ну разумеется! Всё решено за меня, и никто даже не удосужился поинтересоваться, нравится ли мне эта затея. Я подавил тяжёлый вздох. А, будь что будет!.. Думал бы раньше, дома, а теперь чего же. Надеюсь, хоть завалящее оружие дадут, с голыми руками не спровадят.

О, об этом я мог не беспокоиться! Закончив совещаться, вся компания окружила меня и принялась придирчиво разглядывать, как редкого зверя. А то они меня раньше не видели!

– Тебе понадобится меч, – сообщил Владен. – И хороший меч, такой, чтоб снести голову Тёмному Витязю с одного удара. Меч я дам, дам доспехи. А ещё держи вот это.

И он снял со стены один из щитов – круглый, обтянутый кожей, с металлическими нашлапками по ободу. Кое-где на поверхности виднелись вмятины, словно от ударов топором или мечом. Однако плотная кожа в своё время выдержала и, стянувшись, сохранила лишь рубцы давнего боя.

– С этим щитом мой отец защищал западные границы Лесотравья, – промолвил Владен. – Он не раз выручит тебя. Держи.

Щит я удержал, хотя он был не лёгонький. А спустив его

к ногам, ощутил, как ткнулся в бедро окованный железом край. Строго. Уже кое-что...

Но, похоже, подарки только начинались. Теперь вперёд выступил Милонег, князь Пустынный.

– За мной конь. Я дам тебе своего Белко – это самый быстрый и сильный жеребец в моих конюшнях. Он ждёт тебя во дворе. Умнее коня ты не сыщешь во всём Лесотравье. За него сам хан Вар предлагал три лучших своих табуна. Но смотри, береги его!

Меня бы кто сберёг... Лишь бы этот Белко к себе подпустил. И никто не осведомился, умею ли я ездить верхом. Да я на лошадь раз в жизни садился! Писал летом про одно подсобное хозяйство, и наш фотограф загорелся запечатлеть меня на каком-то сивом мерине. Мерин, привычный ко всему, стоял смирно и не рыпался. Но я всё равно умудрился съехать с его спины набок. Хоть бы сейчас не опозориться...

Меж тем рослый воин принёс что-то, завёрнутое в плащ. Владен сам достал из свёртка кольчужные доспехи, а затем узкие длинные ножны. Вытянул меч, помедлил, любясь бликами солнца на лезвии, и передал его мне.

– Держи.

Ага, вот чего мне не хватало. Принимая оружие, руки невольно дрогнули. Эта штука... нет, слово «штука» здесь не подходит! – это чудо было самым ценным приобретением за сегодняшнее утро. И сжав рукоять меча, я вдруг почувал ту силу, которую до сих пор тщетно пытался в себе

отыскать. Огненная лавина прокатилась по телу, собралась комком у горла, ликующе обнесла голову и замкнула пальцы в крепкий кулак. И меч ответно отсалютовал мне белым сполохом на острие.

Я перевёл взгляд с клинка на Окраинного Странника. Тот одобрительно прикрыл глаза, жёсткие усы шевельнулись в улыбке – «наконец-то!».

– Спасибо за подарок. Откуда он?

Владен сдвинул недоумённо брови.

– Ты не помнишь своего меча? Это же твой меч! Он веками хранился в Велевце, как величайшая ценность. Я его не дарю, я его тебе возвращаю.

Внутри у меня что-то ворохнулось, будто мышонок пробежался коготками по душе. Очень любопытно... Значит, я не только бывал когда-то здесь, а ещё и кое-что оставил? И когда же это было? Почему мне никто ничего не говорит?

Сзади тронули за рукав. Я оглянулся. Годин, недоверчивый и грозный воевода Годин протягивал мне нож. Именно такой я мечтал пристегнуть к поясу – стальной десятивершковый клык с чеканным окладом на костяной рукояти.

– Возьми мой нож, – просто сказал Годин. – Я убил им Синегорского тура. В другой раз поведал бы тебе, что за зверюга это была... Если доведётся сойтись с врагом вплотную, не забудь про нож. И помни – его никакие чары не берут.

Я с чувством пожал Годину руку. Так, снарядили по полной, сделали что могли. Остальное зависит от меня.

Провожали на войну бабушки пирата...

– Вы дали Чужаку достаточно, – раздался зычный голос Озёрного князя. – Оружие, конь, доспехи – да, всё, что нужно. Но я дам ему ещё кое-что, ведь от меня пока подарка он не получил. Этот волшебный меч, несомненно, защитит его в бою, но поможет ли там, где опасность не видна?..

– О чём ты?

– Так и знал – вы об этом не подумали, высокие князья. В одиночку он не пойдёт, и плевать на предание. Я дам ему спутника.

Радим, поборник древних законов, возражать на сей раз почему-то не стал. Лишь кашлянул с сомнением.

– Какого спутника? – Владен вопросительно выгнул бровь.

– Мы зовём его Стрелком. Он славный воин и владеет луком бесподобно. К тому же, он из лучших моих следопытов, и тропы, по коим отправится Чужак, ему хорошо знакомы. И ещё...

– Ну?

– Он так же молод. Думаю, они поладят. А главное, он просто будет рядом, на всякий случай. Эй, кто там есть... Стрелка сюда!

Дверь скрипнула. На пороге вырос ладный парень – светло-русая грива до плеч, хмурый взгляд, чуть припухшая нижняя губа, шрам на подбородке. Полы рубахи сурового полотна плотно обхватывали узкие бёдра. За спиной бере-

стояной тул, у пояса нож, едва ли не длиннее, чем мой. Тёмные глаза скользнули по мне безразлично. Стрелок. Спутник, ёшкин кот!

Этот, что ли, оберегать будет? Может, ещё и рубиться научит?

Не знаю отчего, но душу вдруг царапнула игла тревоги. И совсем тоненькая то была иголочка, и кольнула едва, и вроде бы не с чего ей появиться. А сердце толкнулось невпопад.

На Руси сердце вещим называли...

Впрочем, вещее сердце, отдышавшись, тут же облегчённо подсказало, что какой бы спутник ни был и как бы он на меня ни смотрел, а по неведомой земле пройти поможет. Леса и хляби всяко станем вдвоём исследовать. А ежели этот Стрелок против меня что-то займёт, то разберёмся с ним в дороге, без лишних глаз.

Один на один.

– Пойдёшь с ним, – Мечислав указал на меня. – Попутчика беречь, случись что – твоя голова ответчицей.

Скулы парня закаменели.

– Я не еду с дружиной?

– Нет. Мы отправляемся позднее. Вы уходите сегодня. Сейчас.

– Куда мы идём?

– К Поющему Камню.

В глазах Стрелка мелькнул какой-то вопрос, замешкался и так и не вырвался на свободу. Может, по большому счёту

малому было всё равно, куда и зачем его посылают, а может, он в словах своего князя услышал гораздо больше, чем я. Во всяком случае, он больше ничего не спросил, только пожал плечами.

Допустим, Стрелку-то было всё ясно. Но я не такой понятливый! И в этой переделке мне многое надо разжевать, чтоб дошло. А разжёвывать, видимо, никто не собирался. Мой будущий спутник скрылся за дверью, ни слова более не вымолвив, а я озадаченно повернулся к Радиму.

– Ну и что мне делать у Поющего Камня?

– Э-э... – Краинный Странник зябко поёжился. – За ним начинаются владения Мглы.

– Здорово. Дальше что?

– Дальше? Дальше вы вступите в последнюю битву, если...

– Если Тёмный Витязь раньше не прикончит. Хорошо придумано... Что там, во Мгле? Какая она? Как с ней бороться?

– Я уже сказал, не знаю.

– А кто знает? – не подумайте, что я невежлив, но надо же выяснить, что предстоит.

– Возможно, знает Жемчужная Дева, – неуверенно предположил Владен. – Но вряд ли вы с ней встретитесь.

– Ну, великолепно! А она кто такая?

– Хозяйка Радуги, – буркнул Радим. – Не надейтесь, её трудно увидеть.

– Так. Барышень-затворниц у вас полно, понял. Изумрудную нашли?

Окраинный Странник сумрачно повёл щетинистым подбородком.

– Нет, даже на след не напал. Я побывал ночью в святилище. Обряд не закончен. Похоже, с ней что-то стряслось.

Я вздохнул обречённо. Не страна, а недоразумение. И никто понятия не имеет, что же мне делать, когда доберусь наконец до этой, мать её, Мглы. Им остаётся надеяться, что удержат оборону до тех пор, пока я разделаюсь с их заботами.

Ты опять?..

Это Мгла подначивает, она, кто ещё. Ладно, так и быть, пойду биться с идолищем поганым. Тем более что Лесотравье мне вроде как не чужое.

А собственно, почему не чужое? Я тут нахожусь сутки от силы и о людях, что меня окружают, ещё три дня назад даже не подозревал. Однако – или то просыпается память, в которую верит Радим? – я чувствовал, что всё больше врастаю в этот мир. В ельники, наполненные колдовским запахом, в камышовые запруды, где водяной пересчитывает поголовье карасей, в суглинистые холмы с морщинами умерших корней и в прищур бойниц на крепостных стенах – я всё больше врастаю в этот мир. Застреваю, увязаю и, кажется, начинаю любить его. Хотя бы он и отправлял меня на неизбежную гибель.

Впрочем, погибну ли я – ещё вилами на воде писано. Как там пелось в одной хорошей песне моего мира – «не спеши ты нас хоронить...»

Вот и не спешите. Ещё поживу. У меня здесь дела.

– Ну что ж, время, как говорится, не ждёт. Станем прощаться?

Мой бодрый тон заставил Радима недоверчиво дёрнуть бровью. «С тобой и впрямь рехнёшься, – было чётко написано на его лице. – С тобой рехнёшься, но так-то лучше». Махнув на хорошие манеры, требующие почитать, прежде всего, князей, я пожал ему руку первому.

– Не тревожьтесь. Я всё сделаю. А вы ищите Изумрудную Деву – без памяти мне гроб. О подарке с вашей стороны скромно умолчим, – при последних словах я понизил голос, дабы прочих удар не хватил от моей наглости. Радим понял и улыбнулся одними глазами.

– У меня нет ничего, чтобы делать такие богатые подарки, как от высоких князей. Но мы непременно встретимся в дороге. А если придётся туго, прислушайтесь – вы услышите меня. Ибо я могу подарить вам лишь хороший совет.

– Он прав – добрый совет дорогого стоит, – согласно прогудел Мечислав. – И помни, Чужак, – в твоих руках не жизни троих князей, а само Лесотравье. Защити его любой ценой.

«Любой ценой. Защити любой ценой...»

– Я запомню.

Простились мы с Сосновым, Пустынным и Озёрным вла-

дыками так же, как встретились, – по-дружески, но коротко, без долгих объятий и напутствий, как подобает воинам. Тем более что всё уже сказано – не убавишь, не прибавишь. Годин молча потрепал меня по плечу, и в его взгляде я не заметил и следа той подозрительности, с которой он встречал меня накануне.

Вниз со мной спустился лишь Окраинный Странник – иначе поди объясни дружине, с чего вдруг совет князей в полном составе провожает никому не известного парня. Договорились же цель путешествия в секрете держать. А также особо не распространяться насчёт моей особы.

Стрелок ждал во дворе, налаживая упряжь. Его глаза проехались по мне по-прежнему хмуро. Можешь думать что хочешь, приятель, но не моя это прихоть. Твой князь велел тебе сопровождать меня, так что не кривись. Пойдёшь, куда сказали.

Милонег не обманул. Белко уже стоял под седлом – великолепный конь белой масти, со вздрагивающей атласной шкурой, с длинной, свисающей набок гривой, потрясающий конь, в котором изящество стати сочеталось с мощью мускулов. Куда до него было подсобному мерину, моему единственному опыту верховой езды. В душе противно тенькнуло. Я не сумею сесть на этого красавца, а сяду – так не удержусь, а удержусь – так не протяну и сажени, постыдно брякнусь наземь на потеху Стрелку.

С помощью Радима я неторопливо пристроил щит к сед-

лу. Чьи-то заботливые руки уже присобачили сюда немалый дорожный мешок – со снедью и прочими припасами, надо полагать. Всего и делов-то – садись и отправляйся. Но спешить не хотелось. Хотелось отдалить миг неизбежного позора на глазах у молодых весёлых кметей и особенно под снисходительным прищуром Стрелка. Этот парень меня не скажать как раздражал. Раздражал всем – тем, как умело взнуздал своего гнедого, как гибко взметнулся в седло, как молчал равнодушно и даже не сделал попытки помочь, придержав под уздцы моего коня.

Ну и хрен с тобой, сам справлюсь.

Я вставил ногу в стремя, ухватился за лук седла. Если Белко сейчас шарахнется, считай, пропало. До сих пор он вёл себя вполне спокойно – то, что норовил обнюхать и мягко хватал губами за рукав, не в счёт. Стой смирно, мой ненаглядный, я тебе за это сахару дам... Хотя откуда здесь возьмётся сахар?

И тут произошло чудо. Чудо было крохотное и исключительно для меня одного. Словно кто-то подкинул вверх – тело легко взлетело в седло, и рука небрежно нашла поводья так, будто это привычное дело. Когда, интересно, я научился такому, в каком манеже? И что удивительнее всего – держался в седле крепко, уверенно, ни дать ни взять, всю жизнь только тем и занимался, что лошадей объезжал.

Да, чудо – тело всё делало само, помимо меня, а мне приходилось прилагать немалые усилия, чтобы не таращить-

ся изумлённо. Жаль, никто не оценил. Мой подвиг остался незамеченным – конечно же, здесь все, до последнего мальчика, умеют ездить верхом, так что для них это ничего особенного. Лишь Радим довольно потёр ладони и неожиданно сделал то, чего уж от него-то я вовсе не ожидал, – украдкой поднял большой палец: «Браво!...»

Н-да, видать, Окраинный Странник и вправду немало погулял по моему миру, коль ему знакомы подобные жесты. Я ответил Радиму тем же, поправил перевязь, хлопнул коня по шее – трогай. И Белко послушно тронул вслед за гнедым. Даже мерное покачивание в седле мне было знакомо, точно я не раз сидел на спине, ну, не этого, но такого же боевого коня. На выезде из ворот оглянулся – Радим смотрел нам вслед. Он прощально помахал рукой, а затем со значением дотронулся пальцем до лба.

Думай. Слушай. Помни.

Глава 6

Неизвестно, как дальше, а пока что дорога и не помышляла паскудно водить нас по всяким урочищам. Сперва я по наивности полагал, что Рыжий Бор и есть тот самый ельник, в тени которого мы с Радимом шли к Велевцу. Теперь приходилось признать свою очередную ошибку. Да мало ли их я уже совершил, мало ли их ждёт меня впереди! Пресловутый Рыжий Бор, по всей видимости, лежал где-то за бесчисленными поворотами дороги. А владения Киона остались далеко по правую руку – целое царство с громадами елей и пнями, седыми от мха. Всего и было рыжего в нём, что шляпки мухоморов, да и те, скорее, алые. И хоть выглядел ельник Киона грозным и таинственным, но уж лучше он, чем какой-то неведомый, полный страхов и опасностей Рыжий Бор – от одного этого названия хотелось надсадно прокашляться.

Выехав из Велевца, мы сразу взяли влево, и скоро ельник скрылся из виду за очередным угором, а по сторонам пошли крутолобые холмистые луга, да кое-где чахлые березнячки. Денёк тоже не подкачал – не чета вчерашнему. Ветер, правда, ярился без устали – куда от него денешься, наверное, он стихнет, лишь когда последний воин Великой Битвы втиснет в ножны меч, чтоб уже не вынимать его. Однако тучам сегодня места не находилось, ясное небо распахнулось над Сос-

новым Краем, и солнце залило светом всё вокруг. От этого казалось, что разговоры о Мгле всего лишь сказки и я отправляюсь не на былинную битву со злом, а в очередную занюханную командировку. Да-да, так и есть, если на замечать конской холки под носом, боевого щита у колена на седле, молчаливого напарника с тулом за плечами. И ещё проклятого ветра, который сдувает зной и наполняет лёгкие гарью.

– Эту мерзость с севера тащит?

– Что?

– Гарью пахнет, говорю. С севера?

– Да.

Кажется, он хотел выразиться покрепче. Занятный парень, подумал я, чего он ершится? Ничего, вроде бы, ему не сделал и на верёвке за собой к Поющему Камню не тащил. Играть в молчанку можно до бесконечности, мы и так уже вёрст пять отмахали, ровно каждый сам по себе, ни словом не перекинувшись. Коли будем продолжать в том же духе, то на приключении можно ставить крест. Не сказать, что я так уж томился по общению. Но мне в этом мире нужен не только компас – мне нужен добрый попутчик без камня за пазухой.

Я покосился на Стрелка, на его упрямый подбородок, запястье, перехваченное поводьями, русую прядь, упавшую на лоб. Глаза бы мои тебя не видели! Навязал князь Мечислав попутчика... Хотя, с другой стороны, к чему ссориться в самом начале пути?

– Ты чего молчишь?

Он пожал плечами. И даже головы, стервец, не повернул.

– Чего молчишь, спрашиваю? Не надоело? Или говорить разучился?

На этот раз он повёл недовольно глазом в мою сторону и шевельнул губами – должно быть, хотел ответить, но сдержался. Да что такое, в самом деле!

– С Радимом куда приятнее было путешествовать, – сообщил я сам себе.

Ух, пробрало, наконец! Впервые во взгляде Стрелка прорезалось что-то живое. Он криво усмехнулся. Или сделал вид, что усмехнулся.

– Вот и ехал бы с Радимом.

– Поехал бы. Да мне тебя сосватали.

– Я не красна девка, чтоб меня сватать.

– Да уж ясен пень. Ты, часом, не в лесу с волками рос?

– Ты!.. – он развернулся ко мне столь резко, что седло жалобно скрипнуло. – Какие волки?! Что мелешь?

– Что слышал.

Он натянул поводья, да так, что гнедой привстал на дыбы. Я тоже придержал Белко. Мы исподлобья рассматривали друг друга. Он катал желваки по скулам, даже шрам на подбородке побелел от гнева. И я впервые заметил, какая тонкая шея у Стрелка, совсем мальчишеская, с острым кадыком и бешено колотящимся живчиком под загорелой кожей. Наверное, парень ещё моложе, чем я думал. Почему именно его

послал со мной Мечислав?

Первым не выдержал Стрелок.

– Ты сшибки хочешь?

– Давай, начинай.

Я с интересом ждал, что будет дальше. Ждал и удивлялся сам себе – неужели это я?.. Неужели это я так упорно напрашиваюсь на совершенно ненужную ссору? Но зачем? Что я с неё поймею, кроме лишних неприятностей?

Вот они, те самые ветры Лесотравья.

Как пить дать, у Стрелка чесались кулаки съездить мне по роже. Я бы на его месте так и сделал. Но он лишь кусал губы, что-то обдумывая. Потом сплюнул и сказал просто:

– Я не стану с тобой драться.

– Почему? Боишься?

– Очень надо! Князь велел тебя беречь. Вот дойдём до Поющего Камня – там и схватимся.

– Ладно, – весело согласился я. Он наконец-то разговорился и перестал быть похожим на безмолвного языческого истукана – подобие тех деревянных божков, которые надменно взирают на принесённые жертвы в святилищах.

– Ладно. Хотя можно не ждать, до Поющего Камня далеко будет. Хочешь, нынче же испытаем, кто кого, – на привале. Идёт?

Он мотнул головой.

– Нет. Князь Мечислав сказал...

– Князь много чего сказал. Он, например, сказал, что мы

должны поладить.

– Да? – озадачился Стрелок. Он смешно наморщил нос, и тут я понял, что мы поладим непременно. И не успел порадоваться такому обстоятельству, как взгляд Стрелка заledenел, остановившись где-то у моего лба. В следующее мгновение этот сумасшедший рывком выдернул стрелу из тула. Лук уже был у него в руках – изрядно оружием владеет, не солгал Мечислав... Ни-и фи́га себе, задохнулся я, вот это полади́ли! Тетива, надсадно взлязгнув, загудела, и макушку мою обдало холодом – стрела свистнула вровень.

Так, я живой или уже умер?

– Ты... чего?

– Ничего, – он обогнул меня, спрыгнул с седла и поднял из травы что-то тёмное и растопыренное. – Смотри.

Это был ворон. Огромный ворон, под стать хорошему коршуну, насквозь пробитый стрелой с широким наконечником и красно-белым ушком. Не в меня – вот в кого целил Стрелок. И как можно было забыть, что тут со всех сторон... Разглядывая трофей, я уже чуял, что ворона этого послали по мою душу. Мёртвый, он и сейчас мечтал добраться до меня. Мёртвые глаза блеснули синеватой сталью ненависти. Мёртвые перья казались чёрными лезвиями – самое то, чтоб полоснуть по горлу. Мёртвые когти, не в силах дотянуться до моей кожи, царапали воздух. И мёртвый клюв приоткрылся в бессильной угрозе.

Мёртвый ворон. Первый привет от тётушки Мглы.

Кабы не Стрелок...

– Откуда он взялся? – просипел я. Голос подвёл, дрогнув не к месту, но Стрелок этого как бы и не заметил.

– Ниоткуда. Просто появился.

– Так не бывает.

Он хмыкнул – «у нас всё бывает!», – вырвал стрелу, а птицу небрежно отшвырнул куда-то в сторону.

– Падаль. Поехали.

Мы поехали и даже некоторое время молча. Но подстреленный ворон не давал мне покоя, он чёрным растрёпанным пугалом маячил перед глазами. Не ждал я, что так быстро начнётся охота... К тому же, в памяти всплыл давешний разговор с Окраинным Странником, и очень захотелось кое-что выяснить. Так что ежели Стрелок намерен и дальше помалкивать, то с этой мечтой ему придётся распроститься. У меня, знаете ли, настроение не то.

– А это настоящий ворон был?

Парень глянул на меня недоумённо.

– Настоящий?..

– Ну... Кион вчера о каком-то обмене говорил. Сказал, что вороном прикидывается, тварь.

Стрелок добросовестно мои слова обдумал. Потом нахмурился.

– Кион – это кто?

– Хозяин того ельника. Думаю, леший.

– А-а... Нет, не обмень это. Птица как есть.

– Откуда знаешь?

– Сразу видно. Обмени – они такие... ну... – он двинул пальцами, подыскивая слова. – Такие, знаешь... нецелые.

Я даже опешил.

– Это как?

– Коли, скажем, заяц – то без хвоста. Коли волк – уши срезаны. У ворона пальца на лапе не хватает, а у этого все целы, заметил? И потом, их так просто не убьёшь.

– А ты убивал?

Он кивнул нехотя.

– Было. Там, дома, в Озёрном Краю. Три лета назад. В лесу дикий кот появился, двоих ловцов загрыз... Я его долго выслеживал. Слышу – шорох. Он на меня с дерева... Я успел.

Он невольно коснулся подбородка. Вот откуда у него этот шрам. А между прочим, я читал, что цапнутые оборотнями сами такими становятся. Но, может, в этом мире не всё так, как в наших книгах?

– А чем обменей убивают?

– Оружие надо в проточной воде смочить. И слово потаённое сказать. Они заговора и проточной воды боятся.

– А почему не серебряной пули?

– Серебряной чего?..

Я опомнился. Конечно, будет «чего», конечно, Стрелок смотрит на меня удивлённо. Небось, арбалет – самое лучшее, что он видал. Об огнестреле здесь слухом не слыхивали. Не поведать ли ему об этой отрывке цивилизации?.. Тем бо-

лее что мы, кажется, нашли общий язык. Вот уже несколько минут болтаем почти по-дружески, и не заметно, что Стрелок готов снова угрюмо замкнуться в скорлупу своего молчания.

Ладно, там посмотрим. Я пока не решил, стоит ли говорить напарнику, кто я на самом деле. Хотя, не исключено, услышав, за какой надобностью мы идём на северо-запад, он лучше поймёт, чего ждать в случае угрозы. А в том, что на этого парня можно положиться, я почему-то был уверен на все сто.

– Слышь, – окликнул меня Стрелок, – ты сам-то откуда?..
...Нет, в ту минуту я так и не сказал ему, откуда меня сюда занесло. Отговорился тем, что издалека, из очень, ну о-очень далёких мест. И, чтобы он снова не надулся как мышь на крупу, тут же пошёл на приступ и начал расспрашивать сам. То ли недавнее происшествие развязало Стрелку язык, то ли ещё что, но он вступил в беседу и довольно толково отвечал на вопросы. Откровения на личные темы я оставил на потом – дорога дальняя, успеется. В основном, меня пока интересовало, попадутся ли нам на пути какие-нито деревушки или так и придётся странствовать по полям и лесам, где вместо людей лишь зверьё да оборотни. По словам парня выходило, что деревень здесь хватает, а в нескольких днях пути от Рыжего Бора лежит большой торговый город. Жители его не признают ничьей власти, и князь Озёрного Края им не указ. Когда Мгла начала наступать, они послали

свою дружину на подмогу Мечиславу, но предупредили, что биться будут за себя и за Лесотравье, а не во славу какого-то князя. «Какого-то» Мечислав проглотил, не поморщившись. А если в душе у него что и осело, то обиду он предпочёл держать при себе. Достоинно поблагодарил послов за оказанную помощь и заверил, что на вольности их сограждан никто посягать и не думает.

– А этот вольный городок не Новгород прозывается? – не утерпел я.

Как бы не так – снова пальцем в небо. Оплот демократии именовали Ладенью, и я зарёкся проводить топонимические параллели. Самой великой напастью для Руси были кочевники с юго-востока. Здесь же Лесотравье трясло куда сильнее. Пора уже понять, что у каждого мира своя судьба, и не будем выпендриваться с излишней учёностью. Мудрецов здесь и без меня хватит.

На ночлег мы расположились тут же, у дороги. Обещанных Стрелком деревень что-то было пока не видать. Впрочем, он этого и не сулил, а на мой ненавязчивый вопрос о кровле над головой невозмутимо ответил, что до ближайшей деревушки мы доберёмся лишь завтра после полудня. И это у них называется – густонаселённая местность.

Собирая ветки для костра, я пожалел, что не догадался захватить в дорогу спички. Вот был бы фокус для Стрелка!.. Дорого бы дал, чтоб глянуть на его физиономию. Но спички остались в моём мире, зато вот зажигалка и сигареты... Так,

а почему меня не тянет покурить? Неполная пачка лежит в кармане куртки, а куртка сейчас висит на каком-нибудь крючке княжеского терема в Велевце. Но в том-то и суть, что о сигаретах я не вспомнил с того момента, как очутился на перекрёстке. Курить не хотелось ни чуточки – и это при моих-то полутора пачках в день! От чего ещё меня отучит Лесотравье?

Волоча на себе груды сушняка, гадал – как же Стрелок разведёт костёр без спичек? Углей в горшке мы с собой не брали, это точно. Пойти помочь парню добывать огонь трением, что ли... Но, оказалось, всё готово и без моей помощи. Он лихо управился с кресалом, отпустил коней пастись, вытащил из седельных сумок немудрёную снедь, и вечер вдруг показался мне куда как неплох.

Ночь спускалась в ожерелье из небывало крупных звёзд. Тонкий месяц пиратской серьгой качался в её чутком ухе. Прозрачным эхом несло кукование очумевшей кукушки, засевшей где-то в дальней рощице. Даже запах гари словно уменьшился, придавленный вечерней свежестью, – а может, я просто принялся к нему и перестал замечать? Чуть поодаль пофыркивали кони, топтались по траве, рассёдланные, радовались отдыху. Сучья, сгорая, выстреливали крошечными салютами искр, и плавилась угли в голубом угарном ореоле. Ночной мотылёк присел передохнуть на моё колено, но тут же заполошно метнулся прочь. Лесотравье, ворочаясь и шумно вздыхая, укладывалось спать. Нет, что бы

там ни говорил Радим, а всё-таки я попал в сказку...

– Ёшкин кот! У нас же сегодня Новый год встречают! – это вырвалось совсем неожиданно, видно, чары Лесотравья дали сбой и снова позволили мне на миг стать прежним.

Стрелок закашлялся, чуть не подавившись гусиной костью.

– Какой ещё Новый год? Где – у вас?

– Ну... У нас, в моём краю. С ёлкой, с шампанским.

Сказав «а», выкладывая и «б», раз уж понесло. А попробуй промолчи, глядя в глаза Стрелка, полные чисто мальчишеского любопытства, глядя на его выжидательно приподнятые брови. Нет, кому-кому, а этому парню довериться можно. Печёнкой чую – он не сдаст меня с рук на руки пособникам Мглы и не обернётся диким котом или другой бестией, чтобы вцепиться в глотку.

Начал рассказывать, негромко, сперва осторожно, подбирая слова, затем увлёкся. В зрачках Стрелка отражался факел костра, и умолк припозднившийся кузнецик, и Белко подошёл ближе, словно тоже решил послушать. И даже ночь притихла заворожённо.

...Города с домами-исполинами, бетон и стекло, зеркальные полотнища витрин, мишура реклам и распаренный июльский асфальт. Яркие автомобили, которым тесно на улицах, мерцающие мониторы компьютеров, микроволновые печи и кондиционеры. Смартфоны, бесчисленные газетные заголовки и пестрота телеэкранов. Студенческие бун-

ты, курортные пляжи, авиакатастрофы, нефтяные вышки, собачьи бега, концертные залы, космодромы, баночное пиво, захваты заложников, горные лыжи и шоу-бизнес. Мой мир был огромным и суматошным, он вертелся колесом, шумел, хохотал, ссорился, мелькал, взрывался, плакал, он сходил с ума, он был таким сложным... И он ничего не мог противопоставить спокойным истинам этого мира.

Странно – Стрелок поверил мне сразу. Поверил во всё, что я говорил, и не стал ехидничать и требовать доказательств. Он слушал без большого удивления, морща лоб, кусая губу по привычке. А я, глядя на него, вспоминал свою встречу с Окраинным Странником. Ёлки-палки, каким же олухом я был, как же я сопротивлялся очевидному в попытке ускользнуть от волшебства оживших легенд! Почему мы так охотно разучились верить в чудо? Отчего мы по доброй воле норовим затянуть душу в чешую цинизма и бессмысленных сомнений?

Я и сам был таким всего два дня назад.

– Значит, вот зачем мы идём к Поющему Камню, – протянул Стрелок, пристально разглядывая меня. – Ты Чужак. Мне знакомо предание. А я-то думал, с чего бы это князь изгнал меня из дружины и отправил к Велесу под мышку? Понять не мог, чем провинился...

Сказал бы раньше – я бы ему объяснил. Теперь понятна стала его недавняя угрюмость. Похоже, парень спал и видел схватку с воинами Мглы, а вместо этого... Разумеется,

отправку в глухие леса он счёл за наказание. Только, судя по всему, наш поход может оказаться куда опаснее, чем открытый бой с теньями в широком поле. Не придут на выручку княжеские дружины, и биться придётся вдвоём против всех.

Но с другой стороны – коли мы выживем, песни об этой прогулке на северо-запад будут долго слагать в Лесотравье. За славой я не гнался никогда. Но слава явилась на свет раньше меня, о ней пророчили предания Утренней Поры, и лишь от меня зависит, какого цвета будет эта слава.

– Твой Круг похож на сказку, – промолвил Стрелок. – В сказках должно быть всё хорошо. Да?

Похоже, он надеялся, что в моём мире нет и не может быть Зла. Я покачал головой. Он не представляет, что такое Зло в моём мире, где главные враги себе – мы сами. Жить так, как до недавнего времени жило Лесотравье, мы не умеем. Зато мы хорошо умеем убивать. Мы убиваем чужих, друг друга, сами себя. Убиваем за деньги, за власть, во имя мести, просто так. И, о боги, сколько мы сумели напридумывать, чтоб можно было себя убивать...

Стрелок помолчал, глядя на огонь, и по лицу его бродили тени смутного разочарования. Или то ветер трепал рыжие вихры костра?

– Раз так, – задумчиво сказал он, подперев кулаком подбородок, – не хотел бы я жить в твоём Круге. Думал, хоть где-то есть мир, где нет Зла, совсем нет. Но в твоём мире, видать, его много.

Даже слишком. Он не знает, как много... И сказать по правде, мне тоже не очень нравится тот мир, откуда я пришёл в Лесотравье. Потому что здесь, по крайней мере, всё ясно. А там – там ещё надо отличить Зло от Добра.

Глава 7

Стрелок уснул быстро и легко, как умеют засыпать люди с чистой совестью. А я вертелся с боку на бок, слушал дыхание ночи и всё думал и думал об этом нашем странном разговоре. Тишина разбредила сердце, и я не знал, где прав, где неправ. В мозгу сорняком-пустоцветом засело непонятное беспокойство. Откуда оно взялось, откуда проросло так неожиданно, я не мог уяснить. Кажется, перед тем, как закончить посиделки, что-то сказал или подумал... А что? Нет, не удавалось нащупать ту ниточку, за которую дёрнула меня тревога. И вроде бы всё было в порядке, и никакой ошибки я не совершил, и не за что было винить ни себя, ни спутника. А вот поди ж ты – не мог отделаться от мысли, будто что-то пошло не так. Возможно, призраки, укрывшись под подолом ночи, подслушали нашу со Стрелком беседу? Или я что-то пропустил мимо ушей, или, напротив, брякнул не то? Не понять. В конце концов, плюнул, лёг на спину, руки за голову закинул и уставился в чёрное небо. Сон не шёл.

Сон-то не шёл. Зато постепенно мною овладевало странное, ни на что не похожее оцепенение. Намёка в нём не было на тот безмятежный покой, который приходит вместе с дремой. Недоброе, как тиски палача, грозное, как нож у горла, оно леденило кожу и делало мускулы безвольными. Я, спохватившись, дёрнулся раз, другой – даже пальцем не шевель-

нёшь. А потом началась уже полная небывальщина, и происходило всё так быстро, что я даже струхнуть не успел.

Звёзды над моей головой дрогнули и тронулись с места. Они стремительно снижались, становились всё огромнее – не то ночь падала на меня, не то я распухал до размеров этой ночи. Одна из звёзд вспыхнула ярче других, мигнула багровым светом, бешено завертелась, и я ощутил, как втягивает она меня, закручивая водоворотом, в свой до жути алый омут. И было поздно вырываться, звать Стрелка или Радима. Я, задыхаясь, летел в багровую паутину. Нестерпимо звенело, шипело, верещало пространство, расплываясь клочьями, и чьи-то тонкие, как нити, щупальца обжигали своими прикосновениями. Так, наверное, умирают грешники. И я, выходит, грешник... Скрежет. Мрак. Ничего.

Затем... Затем всё кончилось, полёт прервался, и я увидел себя в небольшом зале без мебели, без окон, в зале, сплошь затянутом драпировками. Складки алого шёлка мягко стекали по стенам на пол, укрытый таким же алым ковром. И только потолок скрывался в розоватом тумане, клубами ходившем из угла в угол. Получалось, что умирать по-настоящему время ещё не пришло.

Но я не один оказался в этих чудных покоях. Ладони шёлка раздвинулись, пропуская... Я никогда не видал его раньше – ни в Лесотравье, ни дома, ни в снах. Высокий, с длинными белыми, очень белыми волосами, с открытым лицом – он был молод, приветлив, от него не исходило никакой угро-

зы. Серо-голубые глаза смотрели на меня весело и испытующе.

– Ну, здравствуй, Чужак, – хрипловато сказал он, протягивая руку. – Тебя ведь здесь кличут Чужаком? Или предпочтёшь своё настоящее имя?

– Без разницы, – я насторожённо разглядывал незнакомца. Родинка на виске, светлые, сросшиеся у переносья брови, чуть заметные морщинки у губ, прямой нос и высокие скулы – да ему бы в Голливуд. Одет по-простецки и явно не в тон драпировкам – просторная белая рубаша с широким воротом, серая ворсистая безрукавка и такие же серые узкие штаны. На ногах добротные сапоги, у пояса ни ножа, ни меча, одна низка каких-то тёмных камушков – чётки, ожерелье или амулет. Кто ж это такой?

– Я тебя знаю, – говорил он меж тем. На рукопожатие я не ответил, но его это, кажется, не озаботило. Он сложил руки на груди и шагнул ещё ближе, так, что мы чуть не столкнулись нос к носу. – Я тебя знаю, а вот ты меня забыл. Помнишь, как мы с тобой, бывало, зажигали?..

– Не помню.

– Жалко, ёшкин кот! – он выстрелил моей же поговоркой так легко и привычно, что я вздрогнул. – Что же ты, приятель, творишь? Я его ищу, зову на помощь, посылаю за ним, а он, гляди-ка, шастает невесть где, уже и компанию новую себе подобрал. Что это за малый там на дороге?

Его дружелюбный тон неприятно смущал. Хоть убей, сре-

ди моих знакомых, тем паче друзей никогда такого субъекта не наблюдалось. К тому же, он не слишком походил на нуждающегося в помощи – во всяком случае, выглядел сильным и довольным жизнью. И что-то уж больно разговорчив. Где это и что, интересно, мы с ним зажигали?

– Слушай-ка, – процедил я, – не мели чепухи. Я тебя впервые вижу. Тут, смотрю, все меня знают, радость-то какая! Зато я никого... Тебя, к примеру, как зовут?

– И этого не помнишь, – искренне огорчился он. Тряхнул дружески меня за плечи и близко-близко заглянул в глаза. – Что, правда, не помнишь? Мстислава не помнишь? Ну? Мы же не разлей вода были! Давай, вспоминай!

Я прикрыл глаза, чтоб не видеть его взгляда – внимательного, сочувственного и такого... такого незнакомого! Он явно хотел помочь мне, тормозил мою память, стремясь прорваться сквозь её бастионы. Спасибо за подмогу, учту на будущее. Но почему я не то, что не могу – совсем не желаю вспоминать его и наше с ним «не разлей вода»?

– Это ты меня сюда затащил, в эту красную табакерку?

– Ну я, конечно, кто ещё! Давай-ка присядем, чего на ногах стоять...

Он кивком указал в угол – так-так, могу поспорить, минуто назад там не было никакого дивана. Сейчас он появился – низкий, уютный, с высокими круглыми подлокотниками, с красной атласной обивкой. Такой мебели уж точно было не место в Лесотравье. Но раз приглашают, можно и при-

сесть. Я удобно расположился, откинулся на мягкую спинку, бросил взгляд туда-сюда. При таком проворстве хозяина здесь запросто и стол с угощением возникнет.

– Это что, твоя гостиная? Пустовато. И к чему такой кровавый цвет?

Мстислав почесал в затылке, вздохнул разочарованно:

– Тебе ж всегда он нравился... Но не хочешь – сменим обстановку.

Щелкнул пальцами – и алый цвет исчез мгновенно, а все вокруг затопило приятным синим, с уходом в лазурь. Ничего не скажешь, знатный он иллюзионист, этот породистый блондин.

Мстислав усмехнулся, глядя, как я скольжу взглядом по синим стенам зала.

– Теперь нравится?.. Ты лучше объясни, почему пришёл сюда со стариком, а не с моими людьми? Я знаю, они тебя нашли раньше. Послушал бы их – и не было б сейчас хлопот.

Ой-ёй-ёй, а вот теперь я начинаю догадываться, кто усадил меня на этот диванчик! Мне надо было идти с его людьми, они настойчиво приглашали... От внезапного прозрения спина стала липкой от пота. Но как же?.. Без боя, без предупреждения, без встречи у Поющего Камня, наконец! А князя-то, наверное, полагают, что разыграли мудрёную партию, отправив меня в обход. Так буднично, так просто, так легко обхитрила всех нас Мгла, наплевала на правила игры и даже не дала возможности обнажить меч. Я

схватился за пояс и чуть не взвыл. Ну, ясен перец, оружия нет, не спать же с ним было! Отстегнул и рядом положил. И остался с пустыми руками.

Мстислав моё судорожное движение заметил. И снова усмехнулся – по-доброму как-то усмехнулся и немного сожалеюще, вот только морщинки у губ стали жёстче и рельефнее.

– Чего всполошился? Вижу, вспомнил кое-что. Превосходно, коли так.

– Не вспомнил. Понял.

– Ну, понял, – он покладисто кивнул. – А что понял-то?

– Ты и есть Мгла.

Он весело хлопнул себя по колену.

– Не угадал!.. Мгла – это темнота, мрак, у неё нет тела, нет ни рук, ни ног. Она – ничто и нечто. А я – я живой, дружище, я такой, как есть, сижу рядом с тобой. Не выдумывай.

– Значит, ты её воплощение. Сам же сказал, что посылал за мной гонцов. Так что лжёшь ты – не знакомы мы с тобой. И дружбы между нами не было. А впереди...

– Да знаю я, что впереди! Ещё расскажи про седые предания! Удивляюсь, как находятся дураки, что их слушают. А вот насчёт того, кто лжёт... Значит, ты поверил этому... как его... А почему ты ему поверил?

– Почему? – я немного растерялся. – Потому что он рассказал о Лесотравье. Потому что твои люди вышибли мне свет в доме, а он разжёл свечу. Потому что... Ну, не знаю...

Да потому что он на тебя не похож!

Мстислав раздул ноздри, и дружелюбия в его взгляде побавилось. Оно сменилось укоризной, вот-вот грозящей перелиться в гнев.

– Замечательно! Всё объяснил!.. Позволь, я тебе тоже кое-что растолкую. Насколько мне известно, про Лесотравье первым заговорил ты. И этот дед ничем не отличается от меня – разве что возрастом да лицом. Он напел тебе сказки о Добре и Зле, да? А кто сказал, что именно он – посланец Добра? Что ты знаешь о нём? Ничего, совершенно ничего! Он привёл тебя к троем здоровым мужикам, которые всегда готовы вцепиться друг другу в борода из-за лишнего клочка земли! Теперь они поняли, что их время уходит, и надумали объединиться. Мой мир – мир свободы – они называли Мглой. Да кто они, чтобы решать, что такое свобода? И ты поверил им, попёрся куда-то с этим парнем, а кто он, понятия не имеешь. Ты знаешь, что он побывал в лапах оборотня? Пусти ему кровь – увидишь, какого она цвета. Нашёл попутчика! Не сомневаюсь, он пойдёт с тобой до конца – до конца твоей жизни и сам этот конец приблизит! А что касается света... Ты не задавался вопросом, почему лампы в твоём доме погасли как раз перед приходом старика? Не потому ли, чтоб он смог тебя напугать и заставить поверить себе? Не один он может разжигать огонь. Гляди сюда, дурень!

Он сложил ковшом ладони, дунул в них, и те засветились изнутри – казалось, под кожей вспыхнула пара ярких све-

чей. Этот свет от ладоней Мстислава сначала осветил его самого, потом всё вокруг и неожиданно целым снопом ударил мне в лицо. Щёки и лоб обдало жаром, словно от раскалённой печной топки. Вскрикнув, я прикрылся локтем и ощутил, как яростно дёргают за рукав.

– Эй, Чужак, очнись! Открой глаза, слышишь?

Я вырвался, мотнул головой. Скулы так и пылали. Сознание возвращалось медленно, я различил над собой неясное пятно чьего-то лица. Оно расплывалось, становилось то мутнее, то резче, и на какое-то мгновение мне почудилось, что я вижу жёсткие складки у рта и светлые сросшиеся брови. Но тут же понял, что Мстислав с его фокусами исчез, уступив место другому. Тёмные тревожные глаза, знакомый шрам на подбородке, длинные русые пряди, свежая царапина на щеке – она-то откуда взялась?..

– Уйди, не трогай меня, – я вскочил на ноги. Стрелок, прижавшись к колене, вскинул на меня непонимающий взгляд. Ворота рубахи его были разодраны, к спутанным волосам пристали травинки, одежда в пыли. Неподальёку валялся нож с бурыми каплями на лезвии. За моей спиной испуганно всхрапывали кони.

Далеко за рощицей, где вчера гомонила кукушка, вставало умытое росами солнце. Костёр давно погас, и угли подёрнулись серым налётом пепла. Ночь дотлела и сорвала с жилистой шеи звёздные подвески. И не было багровой звезды, не было странного зала, не было Мстислава и его светящихся

ся ладоней. А вот голос свой он мне оставил, хрипловатый мягкий голос, полный участия с оттенком укоризны. И речи его тоже остались со мною – уховёртками проникли до самого мозга и сучили там лапками, свивая гнездо.

«Пусти ему кровь – увидишь, какого она цвета...»

– Да что с тобой?

Стрелок поднялся и теперь стоял напротив меня – потрёпанный и сердитый. Розовый луч солнца коснулся его макушки, робко дотронулся до лба и мазнул по носу. Я разглядывал парня, стараясь не пропустить тот миг, когда его пальцы превратятся в стальные кошачьи когти, а загорелая кожа начнёт покрываться шерстью.

– Обмень...

– Где?? – он крутанулся, словно ждал нападения сзади. – Никого больше нет, чего ты?

– Ты – обмень. Ты.

– Тьфу! – Стрелок зло сплюнул и начал приводить себя в порядок. – Я уж думал, ты помер. Не мог добудиться. Ты что, ничего не слышал?

– Нет, – только тут до меня дошло, что неспроста он в таком виде. Да и заляпанный нож наводил на мрачные размышления. – А что здесь произошло?

– Обмень напал. Кабы не кони – беда... Они разбудили. Он к тебе подбирался, ползком, не сразу и увидишь. Ладно, что я проснулся вовремя... Ну-ка, полей.

Он протянул мне кожаную флягу с водой. Я наблюдал, как

умывается человек, возможно, спасший мне жизнь второй раз подряд. Подозревать Стрелка не было никакого резона. Никакого, если не считать того, что сказал Мстислав. В его словах было много такого, с чем я мог бы поспорить. Но спорить с этим трудно, куда проще согласиться. Он прав – свет тогда погас аккурат перед тем, как появиться Радиму. А князья даже на Руси шли друг на друга войной, не желая делиться ничем. И этот парень, что разбрызгивает, вкусно умываясь, воду, – что я знаю о нём? Оборотень, обмень, воин, мастерски владеет луком – одно другому не мешает. А то, что до сих пор не напал, – значит, ещё не время. Верить нельзя никому, даже Белко, даже вчерашнему ночному мотыльку. Я чужой в этом лживом мире. Вот только не пойму, дорого ли стоит здесь моя жизнь и кто готов за неё заплатить?

Вернуться домой... Попасть в свой безопасный городишко, на открытое всем ветрам крыльцо прямо отсюда и сейчас, наверное, не получится. Значит, надо ожидать чего угодно. И держать оружие под рукой, чтоб успеть отразить удар.

Но неужели меня обманывают все? И Радим?..

Стрелок утёрся рукавом, тщательно вычистил о траву нож. По всему похоже, он собирался мирно позавтракать и продолжать путь. О ночном нападении ни словом больше не обмолвился, а мне разговаривать с ним не слишком хотелось. Первым делом я пристегнул к поясу оружие и сразу почувствовал себя увереннее. Вот только трудновато, пожалуй, в дороге придётся – всё время ждать смерти от того, кто

с тобой бок о бок.

Впрочем, я всегда могу постараться его опередить.

– Значит, ночью ты убил обмена? – уточнил я, пока мы жевали пресные лепёшки за завтраком.

– Не убил. Ранил.

– А какого цвета у них кровь?

Стрелок безразлично пожал плечом.

– Тёмная, будто с землёй смешанная. И густая, струёй не хлынет. Потому и живучи.

– Ладно, запомним. Ты обещал, что сегодня до деревни доберёмся.

– Будет тебе деревня... А ты всегда так крепко спишь?

А что, в следующий раз ты меня и расталкивать не станешь, сразу прикончишь?.. Сказать бы ему, что за сон это был и у кого в гостях я побывал, сам того не желая. Но я ничего не стал говорить. Я не доверял уже никому – ни Стрелку с его хваткой, ни доброжелательности Мстислава. Мне нужно было сперва разобраться с самим собой, если уж Добро и Зло не только в моём, но и в этом мире столь виртуозно умеют меняться местами.

Глава 8

Деревушка оказалась по моим меркам небольшой – дворов десять. Она вынырнула слева от дороги, на пригорке, возникла сразу, вдруг, словно её только что кто-то нарисовал среди черёмухи и зарослей смородины. Низкие серые строения вырастали, казалось, прямо из травы. Огромный кряжистый кедр со странно порывавшей макушкой охранял подступы к деревенскому плетню. Издалека почуяв нас, уже заливались дворовые псы. Гуси толклись чуть поодаль, у широкой лужи, заросшей камышом. И кое-где вился над крышами дымок – отрада усталых путников. Будем надеяться, что на ночь здесь нас приютят.

Единственная улочка была пустынна. Собственно, и не улочка это вовсе, так, широкий проход меж домами. Мы вертели головами по сторонам, выискивая хозяев. Прямо по грядкам с морковью и пожухлыми перьями лука бродили куры – охотились за червяками. Поисками руководил с чурбака рябой петух с выбитым глазом. Судя по его уныло свисшему гребню, на червей нынче был неурожай. Облезлая псина, такая дряхлая, что даже погавкать на чужих была уже не в силах, грызла стёртыми зубами мосол. Она, правда, покосилась на нас и даже издала утробный звук – видно, притворялась, что рычит. Шугануть её было некому. Лишь несколько чумазых ребятишек возились в пыли у за-

бора. Они дружно уставились на нас круглыми глазами – даже не на нас, а на наше оружие.

– Очень гостеприимная деревня! – не выдержал я.

Стрелок ухмыльнулся.

– А чего ты хочешь? Страда ведь – хлеб жнут, последний сенокос, мало ли... Погоди, спросим.

Он направил было к детишкам своего гнедого. Но те не собирались общаться с двумя незнакомыми всадниками. Мы не успели и рта раскрыть, как они – фр-р-р! – улепетнули от нас, разлетелись, как воробьи. Да ещё с таким визгом, мама дорогая! Будто мы махновцы какие...

– Ну, чума! Они щас всю деревню в штыки поставят, то бишь, в вилы. Куда теперь?

– Ничего. Поехали вон туда. Там печь топится, значит, кто-то есть.

Двери большого длинного дома были распахнуты настежь, оттуда пахло дымком и чем-то вкусным, домашним, съестным. На низеньком приступочке грелась кошка. Нам навстречу выглянула девчонка лет тринадцати с орущим младенцем на руках. Для матери слишком юна, скорее нянька – распущенные волосы стянуты на лбу ремешком, рубаха с красной вышивкой по вороту, нитка дешёвых жёлтых бус на шее и широко расставленные глаза. Она уставилась на нас снизу вверх с напряжённым ожиданием. Наверное, мы показались ей вестниками беды – здоровые оружные парни на сильных конях, с плащом дальней дороги за спи-

ной. А привычная хмурость Стрелка и мой взъерошенный вид доверия, уж конечно, никому не внушат.

– Привет, – сказал Стрелок, наклонившись с седла. – Ты одна, что ли? Дома больше никого?

В светлых девчачьих глазах поплыл лёгкий ужас. Ты чего её пугаешь, хотел я возмутиться, нам ещё на ночлег напрашиваться! Но Стрелок уже спрыгнул с гнедого и шагнул к девчонке.

– Одна, спрашиваю?

Она молча помотала головой и крепче прижала к себе ребёнка. Тот испуганно зашёлся в рёве так, что у меня уши заложило, а Белко недовольно переступил копытами.

– Уйми!.. – кажется, Стрелок не переносил детского плача. Девчонка шарахнулась от него и исчезла за дверью – только подол мелькнул. Мы неуверенно переглянулись.

– Ты что, с ней поласковее не мог?

– А чего она... Хоть бы слово сказала.

Я вздохнул. Так мы взбаламутим всю деревню, нас погонят взащей и хорошо ещё, если насмерть не отходят. В общении мой напарник не силён, уже известно. Придётся всё брать на себя.

Я сошёл с коня, кинул поводья на жерди изгороди. Одноглазый петух оставил свой гарем и припустил со всех ног к нам – узнать, зачем приехали. Я стукнул по косяку. Пусть не думает юная хозяйка, что во двор лиходеи заявились.

– День добрый! Есть ли дома кто?

Я надеялся, что девчонка переменит своё мнение о нас и всё же выйдет. Однако вместо неё на крыльцо выполз древний, скукожившийся от старости дед. Выцветшие глаза полны опаски, однако в руках рогатина, воинственно направленная прямо на нас. Удивляюсь, как дед находил ещё в себе силы её держать. Рогатина-то не маленькая, с нею только на зверя ходить. Я попятился.

– А ну, – прошамкали тонкие сизые губы, – сунься вот! Я шестерых медведей завалил, и вас туда же!..

Наверно, когда-то давно, в незапамятные времена старик был добрым охотником и воякой хоть куда. Но сейчас, глядя на его трясущиеся руки с разливом лиловых жил под иссохшей кожей, я ощутил лишь сочувствие.

– Когда ж ты, дед, успел-то?

– Чего успел? – рогатина дрогнула и чуть отодвинулась от моей груди.

– Шестерых завалить.

– А на прошлой седмице... – запальчиво начал было он, и я расхохотался, не сдержавшись. Вот же боевой дедок! Стрелок насмешливо хмыкнул сбоку.

Старик, видя, что разорять мы его не собираемся, малость приободрился и даже опустил рогатину. Но мысль о шестерых заваленных медведях успела крепко засесть в его голове.

– А что, не завалил? И завалил, и в ряд поклат. И таким шатунам, как вы, вражины, чтоб неповадно...

Стрелок почесал бровь, заинтересованно глянул на деда.

– Какие мы тебе вражины?

– А кто ж вы? Что за люди?

– Простые, как все. Из Велевца едем, – вступил я. – В Ладень.

– Далеко... Ночлега, что ли, ищите?

– Угадал. Ну так как, пустишь?

Дед заколебался – и поговорить хотелось, и страх брал, что за путники, не натворили бы беды.

– А вы не лихие люди будете?

– Лихие тебя давно бы на твою же рогатину подняли.

– Тоже верно... Чего ж вы тогда девку застращали? С добром так не ходят. Девка за печь забилась, как бы дитя не тенькнула. Она у нас пугливая.

Я подпихнул напарника в бок – отчитывайся! Но тот на голубом глазу развёл руками, дескать, пальцем не трогали и говорили учтиво. Дедок вконец оттаял, сунул рогатину за дверь и кивнул, чтоб заходили. На оружие наше, правда, подозрительно покосился, но во дворе оставить не предложил.

Мы вошли, пригнув головы, чтоб не треснуться о притолоку. Дом был на удивление светлый, хотя окна крохотные и редкие. Потолка не было, с балок свисали пучки трав, ремни, сбруя, даже связка неношенных лаптей. Прочая утварь, которую нельзя повесить, мостилась на длинных полках – горшки, склянки какие-то, берестяные коробушки. Вдоль стен лавки, широкий стол, ухват в углу, у печки. Оттуда же

доносился писк младенца, видать, девчонка зажала ему рот, чтоб злыдни не услышали и не обнаружили.

– Пусть выходит, – буркнул я. – Придушит ведь.

Дед со мной был согласен. Он заглянул за печь, прошамакал что-то ободряюще, заковылял в другую половину дома, укрытую подобием занавески. Девчонка вышла из угла не сразу и нехотя, насупившись, готовая в любую минуту шмыгнуть за порог. Ребёнок у неё на руках наконец-то угомонился, сменил рёв на довольное агуканье. Она усадила его в большую ивовую корзину на полу и застучала горшками на шестке, не забывая, впрочем, то и дело настороженно поглядывать в нашу сторону.

Мы сели на скамью. День начинал клониться к вечеру – какой же долгий он оказался! Выехали сегодня рано – место ночёвки бодрости не добавляло. В пути решено было не останавливаться, так что устали оба. Больше всего хотелось прилечь, закрыть глаза и дать телу отдых. Но как раз отдыха-то я и страшился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.